Нирвана

Автор:
Юрий Иванович

Нирвана

Юрий Иванович

Миры ДоставкиДорога к Звездному престолу #2

Шесть лет обучения в космодесантном училище и Восьмом Секретном Корпусе не прошли для майора Тантоитана Парадорского даром. Не каждый в его возрасте может похвастаться таким количеством наград и внеочередных званий. Дело за малым – пройти курс на Кафедре интеллектуальной стажировки и стать воином Дивизиона, самого элитного подразделения вооруженных сил Оилтонской империи! А потом и свадьбу можно сыграть. Ведь загадочный отец Клеопатры Ланьо, говорят, дал согласие на брак дочери со столь блестящим офицером. Но до свадьбы еще дожить надо, а сделать это непросто, потому что враги Звездного Престола не дремлют. Так что придется майору Парадорскому послужить Родине в холостяцком звании…

Юрий Иванович

Нирвана

© Иванович Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

3594 г., начало осени,

окраины системы Вихелоуса

Громадина внешнекосмического истребителя «Гузер» при выходе из пике провисла до самой поверхности. Два одиноко стоящих между холмов дерева оказались снесены пламенным вихрем реактивных дюз и кромками боевого крыла, но удар вкупе с перегрузкой получился слишком жестким даже для этого уникального боевого корабля. А уж тем более для переживших не одно сражение воинов. Один из них, с перекошенным от усилий ртом, прохрипел:

– Николя, мать твою! Что творишь?!

– Не дрейфь, Малыш, прорвемся! – рыкнул ему в ответ пилот истребителя. В следующий момент перегрузка только усилилась при попытке вильнуть в обход возникшей на пути скалы, и третий член экипажа, чернокожий штурман, зажимая пальцами кровоточащий нос, прогундосил:

– Этот мутант хочет нас в лепешки превратить!

– Следи за словами, мой небелый друг! – зло рассмеялся Николя, на максимальном форсаже уводя тяжеленный для таких маневров корабль вверх. –

По чьим данным мы здесь находимся? Вся твоя собранная со спутников информация гроша ломаного не стоит. Как по мне, то…

– Вот, вот они! – торжествующе заорал негр, чуть не всем корпусом вонзаясь в виртуальный боефикатор перед собой, на котором во всех подробностях освещались детали полета. – Вали их, Малыш! Вали!

– Не надо так кричать, Алоис, не надо, – скорей шипел, чем выкрикивал сквозь зубы оператор бортового вооружения. Вращаясь на своем кресле внутри еще более масштабного боефикатора, он практически единовременно, всеми десятью пальцами рук да вдобавок и двумя ногами отправлял по ненавистному врагу десятки снарядов, тысячи разрывных пуль, несколько торпед, две ракеты среднего класса и парочку кассет с бомбами.

Итоги напористой атаки оказались на удивление эффективными: из трех уже совершивших посадку и двух только снижающихся пиратских кораблей целым остался только один. Остальные четыре покрылись сполохами разрывов, бликами расколов и черными дырами прямых попаданий торпед и ракет. Суммарный взрыв удачного залпа изрядно наподдал кренящемуся «Гузеру» под зад, поэтому пилоту пришлось опять с максимальной перегрузкой выравнивать крен и по гораздо большей, чем положено, дуге заходить в пике новой атаки. При этом Николя радостно орал довольному штурману:

– Ай да Алоис! Ай да молодец! Все-таки правильно высчитал гнездо этих недоносков!

– Ну вот, а ты меня попрекаешь цветом кожи и хочешь убить перегрузками…

– Не ври, не попрекал! А по поводу недоверия прости, друг, отныне буду всегда кричать: «О, мавр, ты прав!»

Истребитель опять снижался в сторону задымленного узкого ущелья, и оператор вооружения несколько заволновался из-за плохой видимости. Его боефикатор словно подернулся изнутри белесым туманом.

– Николя! Делай свечку! Я лучше сверху еще две последние кассеты с бомбами сброшу, и вся недолга…

Но, воодушевленный своими сбывшимися выводами, штурман вдруг узрел еще нечто ценное на своих виртуальных экранах. Он даже сдерживаться не стал от восторга и боевого азарта:

– А ведь это их база! Точно, ребята, чтоб я провалился! Вон видны открытые створки большого ангара. Понизу, Николя, понизу иди! А ты, Малыш, не зевай и всеми торпедами бей!

Начавший было подниматься нос «Гузера» вновь резко клюнул вниз и с ревом несущего смерть торнадо вонзился в клубящийся дым.

– Зря мы так рискуем, – бормотал недовольный Малыш, продолжая тем не менее заливать смертоносными снарядами как оставшийся целым корабль пиратов, так и мечущиеся во все стороны дезорганизованные толпы противника. Основной удар он тоже успел нанести: направил в створ виднеющегося ангара все четыре оставшиеся торпеды и две большие ракеты. Напоследок еще и обе кассеты с бомбами вывалил.

За мелькнувшей тенью внешнекосмического истребителя на поверхности образовался еще больший ад, но не успел экипаж довести радостный крик победы до высшей точки, как тут же крик радости перешел в стон отчаяния. Все трое прекрасно увидели на своих боефикаторах, как из клуба дыма и пламени, охватившего ущелье, следом за «Гузером» вынырнули две огненные полоски искрящего огня.

– «Берсерки-2»! – выдохнуло в унисон три рта.

Пираты имели баснословно дорогое оружие «последней надежды» и успели его каким-то образом использовать. А от этой его модификации на таком расстоянии и на такой мизерной высоте спасения практически не существовало. Конечно, как пилот, так и оператор бортового вооружения сделали все, что возможно. И даже достигли невероятного, если можно так сказать, успеха. Сразу два облака противоракетной магнитной стружки и три десятка мини-ракет перехватчиков совершили чудо: один из «берсерков» взорвался за две сотни метров до намеченной для него цели. Зато второй отработал на все сто. Почти непобедимый, наводящий страх на врагов только одним своим видом истребитель вздулся багровым облаком взрыва, разлетаясь в стороны крупными и мелкими обломками.

Хотя всего лишь за секунду до этого вверх взметнулась реактивная спасательная капсула. Погибающий «Гузер» предоставил своему геройскому экипажу последний шанс для спасения.

Глава 1

3594 г., начало осени,

окраины системы Вихелоуса

Прошли сутки.

Командир базы шестого пограничного сектора системы Вихелоуса, невысокий, широкоплечий крепыш, уже минут двадцать метался перед троицей стоящих навытяжку офицеров и ругался. Витиевато ругался, а порой и вовсе… нехорошо. Но оборванные, прокопченные гарью и убеленные свежей медицинской липнущей пенкой воины терпеливо сносили все несуразности в свой адрес, стараясь не краснеть и выглядеть невозмутимыми предметами внутреннего интерьера. Сказывался большой опыт подобных выволочек.

Тем более что смиренная линия поведения с разъяренным полковником срабатывала всегда, везде и лучше всего: он уже заметно выдохся и теперь стал сбиваться на частые повторы:

– Вам только на фанере летать! Такой истребитель просра… А знаете, чего мне стоит новый выбить?! Дырку от бублика вы знаете! И не узнаете никогда! Потому что вам… Вам только на фанере!..

В какой-то момент командир осознал всю бесполезность раздаваемой безадресной ругани и перешел на индивидуальный метод. Первым подскочил к самому длинному, ростом в двести три сантиметра, оператору бортового вооружения, который стоял в центре строя. Хотя как раз чтобы заглянуть тому в глаза, крепышу-полковнику пришлось бы встать на табуретку.

– Ты! Вот скажи мне, когда уже твоя деланая рассудительность начнет совпадать с жизненной необходимостью? А? Чего молчишь, господин Агнер Ллойд?! – Хорошо было известно, насколько стрелок ненавидел свое официальное имя, с которым он проходил по бумагам и ведомостям. Хоть оно и было ненастоящим, но все равно ненавидел. – Или тебе напомнить твое же любимое выражение: «Удар судьбы в лоб означает, что не возымели действия ее пинки в зад». Как раз о тебе! Не находишь? Из-за твоей мягкотелости вы все могли сейчас неизвестно где валяться в виде обгорелых кусков мяса! Или висеть безголовыми чучелами в пыточных подвалах! Ты об этом подумал? Чего молчишь? Или тоже молчал, когда следовало остановить своих товарищей и наставить их на путь истинный?

Наверняка полковник уже прослушал каждое слово записи с борта истребителя перед его катастрофой и знал, что Малыш как раз и пытался предостеречь от слишком резкого снижения к земле. Что в конечном итоге и лишило реальных шансов в момент опасности отбиться от ракет «берсерк-2».

Но ведь не станешь сваливать вину на товарищей, подставляя их и выгораживая себя. Истинные аристократы, представителем которых и слыл высоченный Малыш, так не поступают. Поэтому оператор со знаками различия капитана только повинно склонил голову, и даже в какой-то момент показалось, что он стал ростом ниже полковника.

Делающий разнос начальник раздосадованно фыркнул и, шагнув влево, вызверился на командира экипажа:

– Тебе уже сколько лет?! Двадцать?

– Никак нет! – выдохнул Николя. – Двадцать восемь недавно исполнилось.

– Не может быть! – злобно ерничал полковник, в притворном изумлении приседая и хлопая себя ладонями по коленкам. – Двадцать восемь? Почти моего возраста?! И все еще капитан? – Хотя на самом деле командиру базы уже было за сорок. – А по твоим действиям – больше двадцати не дашь. Словно зеленый молокосос, прешься на любое восклицание типа: «Ой, вон там баба голая мелькнула! Где?! Дайте и мне глянуть!» Тьфу! Да ты не гордость наших космических сил, а … а… Э-эх!

Он замялся, но, так и не подобрав подходящего слова, махнул рукой со всего плеча. Затем резко шагнул вправо и уже чуть не лбом уткнулся в подбородок штурмана:

– А ты, вычислительный центр, дающий сбои? Питание мозга отключилось? Да плюс запасные батарейки в ушах разрядилась? А может, твой хваленый процессор кто-то подменил грецким орехом? Алоис, я тебя не узнаю! Куда подевалась твоя хваленая мудрость? Куда исчезли твоя рассудительность и тонкий расчет ситуации? Что случилось с твоими невероятными способностями аналитика? И почему ты не хочешь оправдаться? Ну, чего молчишь, словно язык проглотил? Отвечай: кто виноват? И никого не бойся. Малыш или Николя?

Негр от переживаний посерел еще больше, но ответил твердо:

– Скрывать не стану. Как и идти на поводу у боевых товарищей. Пусть они меня даже побьют за это. Поэтому скажу сразу с максимальной откровенностью: вся вина на мне. Готов понесли заслуженное наказание.

После чего из полковника словно выпустили воздух. Плечи его поникли, уголки губ опустились, он развернулся и двинулся к своему письменному столу, бормоча при этом себе под нос с раздражением:

– Я из-за них седым стал! Того и гляди костоправы какую-то аномалию в сердце отыщут и в утиль спишут! А эти… хм, зяблики и в ус не дуют!

Но пока он обходил огромный стол и усаживался на стул, все три офицера расслабленно выдохнули. Буря кончилась, все самое страшное позади. Командира базы все знали прекрасно: будет кричать, ругаться, даже обидеть может сотней-другой нецензурных слов, но дальше этого никогда не пойдет. Перед проверяющими с Оилтона своих подчиненных разгильдяями не выставит, под суд не отдаст и разжаловать не позволит. Сам накажет, своей властью, но чужим под расправу не уступит. Да и вообще по большому счету ничего страшного не произошло. Ну, немного увлеклись боем; ну, не уберегли ценную космическую технику; ну, потом еще сутки прятались в каких-то пещерах и отстреливались табельным оружием от взбешенных пиратов. Но ведь живы. Здоровы. Почти…

Кажется, хмурящийся полковник, вновь уставившись на троицу друзей, не только про раны вспомнил да про уничтожение самой мощной базы на окраине империи. Рука его весьма многозначительно, с чувством ударила по лежащей на столе папке, и голос вновь стал набирать обороты:

– Думаете, что наказания не последует? А зря! На этот раз вам потеря истребителя с рук не сойдет! Хотя… – Он сделал паузу, словно размышляя, и только потом продолжил: – Хотя попытаюсь вам немного подсластить горькую пилюлю нашего с вами расставания.

Теперь уже все три офицера удивленно переглянулись между собой, а потом вновь недоверчивыми взглядами уставились на полковника. Что за потерянный «Гузер» их выпрут с боевой базы – они и предполагать не могли. Но, с другой стороны, командир никогда не слыл пустопорожним болтуном, устраивающим розыгрыши своим подчиненным. Сказал, что придется расстаться, значит…

– Так вот, мое прошение в столицу. – Он нарочито медленными движениями открыл папку, поднял первый лист и стал зачитывать беглой скороговоркой, словно перечислял всем давно известные азбучные истины. – За уничтожение кораблей противника в количестве… так, тут все понятно. … За уничтоженную базу пиратов, состоящую из шестнадцати уровней… хм, здесь тоже ясно. … За проявленные мужество, отвагу и… ну и так далее. Ага, вот: представить капитана Николя Чарески, капитана Агнера Ллойда и старшего лейтенанта Алоиса Полсата к награждению орденами Витязя первой степени. То есть отныне вы можете себя с уверенностью считать полными кавалерами второй по престижности боевой награды после «Изумрудного Листка».

Лица офицеров расплылись в непроизвольных улыбках, хотя награды еще следовало утвердить в столице, потом их доставить, потом торжественно вручить. Но сомневаться уже не приходилось: раз полковник представил к оденам своего подчиненного, то он до императора дойдет, но своего добьется.

Другое дело, что несколько моментов офицерам хотелось прояснить немедленно.

– Целых шестнадцать уровней? – с восторгом переспросил Алоис, показывая в широкой улыбке свои белоснежные зубы. – Так это мы ту самую базу разыскали и сковырнули?..

– Ага, ту самую, – буркнул еще больше нахмурившийся командир. – Туда теперь весь пограничный флот окраин слетается, и роют, роют, роют… Я бы вас, ребята, сразу к «Изумрудному Листку» представил, да уж больно хотят некоторые адмиралы за найденную вами базу эти высшие награды на свои мундиры получить…

В его голосе слышалось столько отчаяния и тоски, что улыбки на лицах офицеров увяли, а Малыш стал прояснять следующий момент:

– Да ржавчина с ними, с наградами. Вы лучше признайтесь: чего это мы расставаться должны?

– Да вот… – Из папки выскользнул второй листок, улегся отдельно, а потом его резко припечатал к столу тяжелый кулак командира. – Не успели вас еще вытащить из пещер и доставить сюда, как штабные крысы бросились выслуживаться перед вышестоящим начальством. И уж так вас расхвалили, где совсем не надо, так расхвалили, что как раз перед вашим прибытием и докладом я вот это распоряжение и получил. Хотите послушать?

Он весьма выразительно уставился на подчиненных, и они сразу поняли, что весь нынешний ор с гневом как раз и был результатом данного неожиданного распоряжения. Поэтому командир экипажа позволил себе пошутить:

– Конечно, хотим. Но не в случае, если там приказ высчитать стоимость «Гузера» из наших жалований.

– Если бы! – возмутился полковник. – Вам в любом случае будет положена премия в расчете семи процентов от промышленных трофеев, отысканных на базе пиратов. Если судить только по предварительным результатам, то вам и на три внешнекосмических истребителя хватит. Да и мы бы для вас сбросились. А тут дела совсем иные… – Его лицо еще больше осунулось, как у отца, навсегда расстающегося со своими сыновьями. – Решили вас отправить на академическую переподготовку, а потом вообще забрать в Дивизион…

Он тяжело вздохнул, продолжая тем не менее пристально наблюдать за лицами трех офицеров. И заметив, что те расплылись в самодовольных улыбках, опять осерчал. Вскочил на ноги и затряс в гневе кулаками:

– Чего радуетесь, неблагодарные?! На базе вам чуть ли не кофе в постель подают, любые капризы исполняют, на любое нарушение дисциплины глаза закрывают, а они и рады поскорее отсюда сбежать! Очень похоже на коров, которые спешат вдаль лишь по той причине, что там трава зеленее. Думаете, в Дивизионе вашу доблесть и боевые умения оценят как положено? Ха! Ждите! А мне что прикажете делать?! С кем воевать придется?! Кого на бой с пиратами посылать?! Самому за боефикатор садиться?! А?!

Вот тут наконец и проявилось полное разгильдяйство представленных к награде офицеров, их непростительное легкомыслие и явное панибратское отношение к старшим по званию. Невзирая на кипящего эмоциями командира базы, они обменялись тычками кулаком в плечо, шлепками ладоней и совсем несолидным гусиным гоготанием. А потом еще и Николя своим задушевным баритоном обратился к командиру:

– Да ладно вам, полковник! Мы вас и в самом деле как отца родного любим, но грустить-то зачем? Пиратов в секторе, почитай, и не осталось после нашей бомбежки их базы, так что теперь можете спокойно себе служить, растить молодую смену да к нам в отпуск приезжать в любое удобное время.

Но тот все еще продолжал расстраиваться по поводу такой нежданной и, самое главное, неприятной для него передислокации лучших офицеров:

– Как же! Приедешь к вам в отпуск! Первые годы бойцы Дивизиона и столицы не видят, вечно их во все дырки по всей империи суют.

После чего, мотая с досадой головой, отправился к огромному сейфу и стал его открывать, прикладывая попеременно в определенной последовательности подушечки пальцев.

– Да сколько там тех годков? – веселился Малыш. – Не заметим, как и пролетят!

– И почему это нас обязательно на периферию загнать должны? – удивлялся Алоис. – Все-таки не желторотые лейтенанты, да и награды у нас не за протирание штанов в штабных креслах.

Полковник, не торопясь отвечать, сосредоточенно и с деловым видом достал из сейфа бутылку коньяка, четыре бокала и тарелку с тонко нарезанным лимоном,

посыпанным сахарным песком. Расставил бокалы идеальным рядком и налил в каждый удивительно одинаковые порции янтарного напитка. Затем кивком головы пригласил к столу тройку офицеров, дождался, пока каждый выберет себе бокал, взял оставшийся и несколько дрогнувшим голосом проговорил:

– Ладно, ребятки, хочу первым выпить за ваш вчерашний подвиг, спасение и за сегодняшний переход на иные горизонты. Пусть и на новом месте службы у вас все складывается удачно, звания не задерживаются, а награды не теряются.

Все дружно выпили. Молодые офицеры сразу взяли по нескольку долек лимона и принялись интенсивно закусывать, тогда как командир базы откусил только маленький кусочек и, продолжая держать оставшийся ломтик в руке, стал отвечать на последний вопрос Алоиса:

– У меня ведь тоже в высшем командовании друзья есть. Так что сразу после получения депеши я и связался по краберу с кем надо. Мне доверяют, да и особой тайны, скорей всего, в этом нет. В итоге ваше ближайшее будущее на несколько месяцев мне обрисовали весьма подробно. Слышали о такой планете – Нирвана?

Николя с Алоисом пожали плечами и перевели взгляды на Малыша. Аристократ, имеющий за плечами два высших образования, и тут не подвел:

– Планета двух пустынь, двух контрастов. Лед и песок, две полярные сущности по температуре, но единые по духу. Только две ниточки растительности между двумя пустынями. Аборигены – чернокожие гуманоиды. Всего два с половиной миллиона. Строй – феодально-общинный. Еще данные нужны?

– Да нет, спасибо. Полезные ископаемые нам неинтересны, как и количество песчинок в пустыне. – Заметив, что от лимона осталось только несколько сахарных крошек, полковник опять метнулся к сейфу и выложил на стол вазу с шикарными конфетами: – Ешьте! Шоколадные, с разной начинкой… Ага! Возвращаясь к Нирване… Именно туда сразу после прибытия на Оилтон вы и отправитесь. Не сами. А с целой группой иных офицеров, которые будут проходить интеллектуальную стажировку.

– Почему именно там? – выразил всеобщее удивление Николя. – В такой глуши?

– Нирвана расположена в самом центре нашей империи. Но именно из-за почти полной непригодности там и находится некий геодезический институт, где изучают напряжение атмосферы между полярными величинами. Как-то так звучит… да и неважно. Но под прикрытием этого института и находится Кафедра Интеллектуальной Стажировки всех без исключения воинов Дивизиона. Порой и элита других родов войск там тоже проходит теоретическую переподготовку. Ну и, конечно же, экстремальные условия только помогают закалять боевой дух и совершенствовать физическое тело. Уж такое дело, как ночевки в ледниках и среди раскаленных барханов, на Нирване в порядке вещей. Для этого там специально самые злобные инструкторы Дивизиона сменяют друг друга как в виде поощрения. Вот потому мне вас и жалко, кончились ваши поблажки и злостные нарушения дисциплины…

Командир внимательно присмотрелся к порозовевшим физиономиям и налил еще по одной порции коньяка. Подхватывая свой бокал и рассматривая янтарную жидкость на свет, Малыш, словно ненароком, поинтересовался:

– Когда это мы так злостно дисциплину нарушали?

– Ой! Как только язык поворачивается? А? – опять вскипел полковник, размахивая руками так, что чуть коньяк свой не расплескал. – Какой бы это я был командир, если бы обо всех ваших выходках не знал? Что вы неделю назад устроили?

Воистину с аристократическим удивлением капитан осмотрелся по сторонам, словно увидел вокруг следы разрухи, устроенной именно семь дней назад, и ответил с изысканной куртуазностью:

– Имелся замечательный повод торжественно отметить славный юбилей нашего товарища.

– Ха! Так кто вам мешал отмечать? Выпили, спели пару песен – и спать! Но зачем было всю ночь напролет куролесить в командирской столовой с официантками?

– Э-э-э?.. – все три товарища с подозрением стали переглядываться между собой, пытаясь догадаться, кто же проговорился. Истина оказалась несколько банальна.

– Чего напряглись? Уже по пьяни и не помните, что сами говорили? Ну, еще бы! Тем более что как раз те самые официантки сами все в городке и разболтали. Уж сильно им похвастаться захотелось такими жеребцами. Тьфу!

И полковник залпом выпил свой коньяк. Тогда как Малыш цыкнул сквозь зубы и с печалью выдохнул:

– Увы! Чужой роток не заткнет и молоток…

Оба друга ему с искренним сочувствием поддакнули, не забывая в то же время интенсивно опорожнять вазу с конфетами. Именно этот момент опустошения стратегических закромов сейфа и напомнил командиру базы про не совсем еще пригодное состояние офицеров и их наверняка нешуточный голод. Поэтому он спешно заглотал свой недоеденный ломтик лимона и перешел на официальный тон:

– Значит, заканчиваем демагогию. Мыться, приводить себя в надлежащий вид – и через два часа быть в штабе на подробной разборке полетов. На ужин получите добавочную порцию. Можете идти!

Некую заминку своих друзей пояснил Алоис:

– Когда же мы отпразднуем новое назначение?

– Отлет на Оилтон с попутным транспортом только завтра к обеду. Так что сегодня вечером у вас будет… хм, парочка часов. Можете пригласить к себе нескольких свободных от дежурств офицеров.

– А если…

Но командир базы с заметным ехидством прервал попытку Николя что-либо уточнить:

– Не мечтайте! Лично проверю командирский салон и закрою своим ключом.

– Но может…

– Не может! Уже три дня ни одна официантка не может оставаться на базе в ночное время.

– Так хотя бы…

– А вот со старшим коком посоветуйтесь. Он ваш лучший кореш, так что пару-тройку горячих блюд и приготовит. Не то еще упьетесь на голодный желудок и мне всю базу разнесете вдребезги!

Все три молодых офицера дружно отдали честь, вывалились толпой из кабинета в коридор и, пиная от радости друг друга кулаками, подались в сторону своих кают, но на первом же перекрестке остановились и принялись решать, как действовать дальше.

– Прежде чем помыться, лучше сразу запустить программу остального вечера. Поэтому, Малыш, давай дуй, заказывай спиртное, – начал было распоряжаться Николя, но аристократ его перебил возмущенным восклицанием:

– С ума сошел?! Хочешь торжественный вечер превратить в банальную попойку?

– Так ведь о-а-э… – попытался выразиться командир экипажа, тыча пальцем в сторону кабинета полковника. – Да и мне красавицы побоку… И где вы для себя официанток отыщете?

– Ну и что? Только на одних официантках свет клином сошелся? Ты еще не видел, какие помощницы у нашего кореша-кока на камбузе появились!

– А они это?..

– Да какая тебе разница? Главное – не результат, а участие. Ну и чтобы кок согласился их взять в компанию. Уже только одно присутствие прекрасных дам заметно украсит нашу холостяцкую пирушку.

– Ну, если ты так уверен…

– Не сомневаюсь! Поэтому ты, Алоис, мчишься за выпивкой и берешь с тройным запасом. При этом учитываешь, что к нам в гости могут нагрянуть не только

приглашенные ребята. Чтобы я потом на тебя не кричал: «Пошли дурака за бутылкой, так он одну и принесет!» Ты, Николя, обеспечиваешь соответствующее прикрытие нашего мероприятия в виде достойных проверенных дневальных и начальника внутреннего караула. Ну а мне предстоит взять на грудь самый ответственный фронт работ: закуску и соответствующее дополнение на сладкое. Хоп!

Три ладони сошлись в едином ударе, и все три героя разбежались в разные стороны.

А у себя в кабинете командир базы отключил виртуальный экран слежения и не сдержался от недовольного рыка:

– Вот разгильдяи! Надо было их еще часик «на ковре» подержать, тогда бы точно не успели организоваться! – Он с досадой ударил кулаком по столу, рассмотрел под ним депешу с распоряжением и сменил гнев на милость. Еще и улыбнулся при этом: – Хотя пусть расслабятся, в самом деле. Когда еще в следующий раз свидятся с боевыми друзьями!

Глава 2

3594 г., середина осени, Пиклия

– Шесть лет! Почти целых шесть лет мы потеряли по вине этого молокососа Сте Фаддина и тупых коротконогих пропойц-сквоков! – Моус Пелдорно, диктатор планеты Пиклия и одноименного звездного королевства, в гневе ходил вдоль окон своего кабинета и то патетически вздымал руки к потолку, то, сжимая кулаки, тряс ими, словно угрожая невидимому противнику. – И за эти шесть лет вся ваша хваленая служба так и не смогла отыскать моего меньшего братца и снести ему голову! Позор! Надо мной наверняка смеются во всей Галактике. Мало того, теперь твои аналитики вновь предлагают вступить в союз со сквоками! Это уже вообще уму непостижимо! Они еще пять с половиной лет назад настолько разбили все наши надежды и разрушили все планы, что с этими недоумками постеснялся бы разговаривать любой нормальный человек. У-у-у! Как я зол!

Граф Де Ло Кле, он же директор Управления безопасности Пиклии и шеф ее внешней разведки, на эту гневную тираду экспансивного монарха смотрел с изрядной долей иронии, раздражения и скепсиса. На него такие вот крики и метания на фоне яркого света здешней зеленоватой звезды совершенно не действовали. Своего соратника, которому он когда-то сам и помог захватить трон, он совершенно не боялся и наедине вел себя с ним чуть ли не по-хамски.

– Моус, да сядь ты уже и не мельтеши! Тем более что ты сам виноват в том, что у нас к данному моменту нет более подходящих и более хитрых союзников, чем сквоки. Которые, между прочим, весьма преданны и последовательны в своих действиях. А с другими… Не ты ли каждый раз начинаешь впадать в бешенство при первой же торговле на переговорах?

– И правильно делаю! – опять затряс кулаками диктатор. – Они не имеют права выкручивать нам руки! Хватит с меня пристального надзора со стороны больших дядек! Знал бы, чем закончится тогдашняя их милость, и под страхом немедленной смерти не полез бы в кабалу!

Де Ло Кле тяжело вздохнул и без всякого уважения проворчал:

– А куда б, на фиг, мы делись? Надо смотреть правде в глаза: без помощи и кредитов Доставки мы бы сейчас к эпохальному событию плыли на каноэ и размахивали бамбуковыми палками. И в лучшем случае только бы насмешили Оилтонскую империю нашим видом.

– Тем более новым шантажистам я уступать не намерен!

– Зря. Там уступка, там поблажка да парочка ничего не значащих обещаний. Глядь, а уже твоя вожделенная оилтонская вотчина в кругу своих врагов. Почитай – наших друзей. Только частичная изоляция Оилтона от остальной Галактики оказалась бы для нас решительным фактором в боевом преимуществе.

Король уже несколько успокоился, перестал орать и с нахмуренным видом уселся боком прямо на край письменного стола.

– Все равно их больше. А если подтянут войска с окраин…

– Ха! Да сколько можно тебе твердить: в современной войне главное – захватить одним ударом столицу противника и ликвидировать нынешних узурпаторов власти. Тем более в нашем варианте: по всем правам ты – законный наследник императорского трона. Только и следует, что в самые критические моменты придержать вражеские войска на дальних подступах. Вот именно для этого сквоки и пригодятся лучше всего.

– Ага! И заломят за это…

– Да ничего они не заломят! – теперь уже граф повысил голос. – Только и хотят несколько звездных систем да выход в Большой внутренний рукав Галактики. Что по сравнению с этим целая огромная империя?! Ох! Порой я поражаюсь твоей… щепетильности!

Моус Пелдорно скривился:

– Как вспомню тот их облом с поимкой принца и полный провал с захватом Оилтона, так все внутренности переворачиваются. К тому же и на след Сте Фаддина твои люди никак напасть не могут.

– Ну сколько можно?! Дался тебе младший единоутробный братец! Раз Сте Фаддин так спрятался и сидит, словно сверчок под молотом, значит, вообще шевельнуться боится. Вон, ни шума в средствах массовой информации не поднимает, ни манифестов с жалобами не рассылает. Понимает, что жизнь его на волоске висит. Ну а со сквоками в прошлый раз просто такие обстоятельства и случайности произошли. Ты ведь сам видел и читал их полные отчеты и результаты служебных расследований. Операцию они разработали и начали гениально – комар носа не подточит! Ну а потом…

– А потом все пропили! Тьфу!

Граф задумчиво мотнул головой:

– Не скажи. Все они продумали и сделали весьма творчески и дальновидно. Просто есть такое понятие, как человеческий фактор. По данным их разведки, в стане противника попался просто уникальный отряд каких-то боевых не то андроидов, не то мутантов, который и разрушил все их планы как на Хаитане, так и на орбите Оилтона.

– Вот! – король опять стал закипать гневом. – А если на нашем пути во время Заброса эти мутанты появятся? Чем тогда оправдаешься?

– Именно поэтому мы до сих пор нашу интервенцию и сдерживаем, – признался Де Ло Кле. Затем встал, потянулся, разминаясь, и рассудительно добавил: – Ну и ученые все-таки должны дать гарантии Заброса больше, чем тридцать процентов. Иначе нам войск не хватит. – Простых солдат он тоже не жалел для великих дел, потому что тут же забыл о возможных потерях, хохотнул и вернулся к прежней теме: – Но твой родственник император Павел Ремминг допускает большую ошибку. Он сам в то грустное для нас время – после бури протестов со стороны своих подданных – опрометчиво пообещал, что тайна событий на Хаитане будет раскрыта через пять лет. Годы прошли, народ требует, и он, глупенький, на днях должен объявить прилюдно имена героев, а также все остальные детали того смутного периода. Так что очень скоро мы узнаем все: кто и за что был награжден, кого повысили в звании и какие институты получили самые крупные премии за тех самых мутантов. Вся наша сеть работает по тревожному оповещению, и как только информация начнет поступать, наши аналитики быстро во всем разберутся.

Диктатор Пиклии тоже не усидел на месте. Опять забегал по кабинету, потирая от возбуждения руки и приговаривая:

– Кто? Кто они? Вот бы взять их за глотку! Забраться им под шкуру! Да так эту шкуру и сдернуть одним рывком!

Хоть бывший уголовник и уселся на трон звездного королевства, но так и остался в своей черной душе оголтелым садистом.

Глава 3

3594 г., середина осени, Оилтон – Нирвана

При переходе в лунманский прыжок транспорт так сильно тряхнуло, что даже у крепких и привычных к подобному перепаду молодых здоровых космодесантников сбило дыхание, появились кровавые круги перед глазами и со

стонами вырвались непроизвольные проклятия. Тяжелей всех пришлось массивному Гарольду, он хрипел так, словно ему саданули кувалдой под дых. По этой причине слова ругательств наиболее разборчиво раздались лишь со стороны загорелого капитана с нашивками пилота-пограничника. Видимо, и такие перегрузки для него оказались вполне допустимыми.

– Что за корыто такое?! Без притановых щитов в космос выбрались, – стонал он. – Чтоб эту лоханку ржавчина сожрала! Вместе с пилотами! Да так даже уголовников не перевозят! Гады, олухи!

Следующие слова летного капитана вообще были крайне далеки от нормативной лексики. Но сотрясений больше не последовало, рев генераторов выровнялся, хрипы у людей прекратились и дыхание успокоилось. Однако поток ругательств только усилился, поскольку говорить уже могли все. Из этого потока стало понятно, что экипаж данной лоханки (все безмозглые неумехи!) наверняка удобно расположился в противоперегрузочных креслах, а вот отправляющихся на стажировку офицеров из разных учебных заведений, пусть даже заслуженных героев, везут, словно бессловесную скотину.

Но гомон голосов перебил резкий, хоть и немного охрипший, голос майора Тантоитана Парадорского:

– Хватит ныть! Тоже мне герои! – Когда повисла относительная тишина, более спокойным голосом он добавил: – Представьте, как девчонкам досталось.

На что уже отдышавшийся Гарри снисходительно хмыкнул:

– Конечно! Ты только об одном человеке на этом транспорте переживаешь. Для мягкости ей под ноги и шкуры друзей бросить рука не дрогнет. Ха-ха! Но ведь сам знаешь, что у наших красавиц – самые современные лежаки в отличие от наших, допотопных.

– Разговорчики! Господин капитан!

– Нет, за наших дам можешь не переживать, – уже нормально отдышавшись, степенно вступил в разговор Армата, словно это не он минуту назад пытался тоже перекричать всех не эпистолярным жаргоном. – Уверен, они даже свои разговоры во время этой тряски не прекратили.

Танти как самый старший по званию из находящихся в кубрике только шикнул в ответ, призывая к тишине, а затем два раза ударил по переборке возле себя рукояткой кинжала. В повисшей тишине вскоре глухо послышались два идентичных удара с той стороны. Ни для кого не было секретом, что еще перед взлетом самый старший офицер в группе так все устроил, чтобы капитан Клеопатра Ланьо находилась как можно ближе к нему. Везде успел. Поэтому женская часть курса расположилась в соседнем кубрике всего лишь за одной толстенной переборкой. Женщинам в самом деле достались новейшие противоперегрузочные люльки, а посему переживать за них сильно не стоило. Но все-таки…

Сейчас Танти, получив условный сигнал от своей возлюбленной, что все в порядке, расслабился, довольно миролюбиво оглядел присутствующих в кубрике офицеров, первый отстегнулся от системы обжима и вскочил на ноги:

– Лучше бы, конечно, и в гости наведаться, но ладно, подождем…

По несколько суровому внутреннему расписанию данного боевого транспорта первые полчаса после выхода в лунманский прыжок запрещалось покидать свои каюты как личному составу, так и переправляемому десанту. Десанта не было, а вот переправляемые несколько групп офицеров даже в лицо друг друга не знали и впервые встретились на трапе транспорта при загрузке. Знакомиться друг с другом тоже было некогда. Успели разложиться, закрепить вещи и личное оружие, улечься в люльки, и сразу старт. Хотя двух человек молодой майор узнал. Одного – с некоторым трудом, тот промелькнул в памяти бравым лейтенантом, преподающим курсантам-космодесантникам в первые несколько недель учебы методику начального пилотажа. Имя не вспоминалось, потому что этого крепыша-лейтенанта из училища куда-то быстро перевели. И это именно он ругался больше всех в тот момент, когда у остальных сбило дыхание во время перехода в лунманский прыжок. Ребят он, кажется, не узнал, что вполне понятно: тогдашние курсанты смотрелись на одно лицо, да и за прошедшие шесть с лишком лет они заметно изменились.

Второй вообще был почти другом некоторое время. Их знакомство и тесное сближение произошло сравнительно недавно, в самом начале обучения в Восьмом Секретном Корпусе. Причем первая их встреча произошла практически стихийно. Тогда Парадорского, спешащего в свободное время в тренажерный зал, вдруг окликнул высунувшийся в коридор учебного корпуса

долговязый третьекурсник. Казалось, он чем-то был сильно расстроен и искал хоть кого-нибудь:

– Эй! Ты свободен?

– Сравнительно, – расплывчато ответил Танти. Старшекурсники порой слишком любили разыгрывать молодых коллег или подурачиться над ними.

– А в карты играть умеешь?

– Ну, в теории – весьма неплохо. – В свое время, еще в интернате, друг по комнате Роман Бровер отлично подковал его по теории основных карточных игр. – А что?

– Здорово! – Без лишних церемоний высоченный парень затащил первокурсника в небольшую комнату, служившую методическим кабинетом, и только там стал объяснять: – Мне на вечер нужен скрытый напарник. Будет отличная игра. Тебе только и надо, что уметь определенными жестами показать, какие у тебя карты. Дальше я все сделаю сам при условии, что ты не будешь допускать грубейших ошибок. Выигрыш – пополам. Идет?

В тот момент Парадорский жутко мучился отсутствием денег, а ему хотелось и подарком каким-либо порадовать Клеопатру, и угостить ее во время увольнений чем-то вкусненьким, да и цветы она просто обожала. Но сейчас, всматриваясь в утонченное, можно сказать, аристократическое лицо старшекурсника, он сильно засомневался: «Аферист! Картежный шулер! С ним я могу последних галактов лишиться».

– Да ты понимаешь, – с ходу отыскал он верную причину для отказа. – Я сейчас на полной мели…

Отказ не прошел. Шулер с замашками аристократа только обрадовался:

– Меньше сомнений, дружище! Вот тебе сотня, потом вычтем из общего нашего выигрыша. Тебе только и надо делать вид, что мы совершенно незнакомы.

– Без меня никак не получится? – с душевными терзаниями рассматривал в своей руке сотню Тантоитан.

– Нет! Кстати, ты не подумай обо мне как о шулере. О! По глазам вижу – подумал! Ну не ври, не ври. Просто дело слишком уж нужное: кровь из носу, но надо наказать двух моих зажравшихся однокурсников. Совсем гады совесть потеряли!

И он назвал два широко известных в корпусе имени. Те еще прохиндеи! Это сразу лишило Тантоитана последних сомнений. В тот вечер он много чему научился. Ну и с Малышом познакомился. Кстати, и на дальнейшие карточные посиделки он выбирался в казармы старшекурсников совершенно скрыто от всех своих друзей. Напарник настаивал, да и самому не хотелось раскрывать источники своих неожиданных доходов. Даже от Клеопатры утаил это интересное и весьма полезное знакомство в отместку за ее нежелание раскрыть свои тайны, что она уже давно обещала, но так и не удосужилась сделать.

Но час назад Малыш, который еще при загрузке в транспорт заметил начавшую расплываться в улыбке физиономию майора, сразу подал оговоренный между напарниками знак: «Мы незнакомы!»

Зная его вполне веселый, добрый характер, Парадорский сразу откликнулся на интригу, ожидая, чем может закончиться дело.

Этих двоих, может, и кто-то из ребят опознал, но поговорить на данную тему пока не получалось, пришлось пометаться, проверяя, как устраивается Клеопатра, да и смысла не было ни малейшего. Что в среде военных означают мелькнувшие когда-то на горизонте лица? Да ничего! Ну и мало ли какие у того в данный момент имеются задания. Секретность всегда занимала одно из самых первых мест в межличностных отношениях при посторонних. Раз сам не здоровается, то и к нему не следует лезть с объятиями или дотошными расспросами.

Сейчас, пока полчаса придется торчать в кубрике, вроде как можно и перезнакомиться со всеми вполне официально, но какого-то особого стремления к этому со стороны других замечено не было. Да и кубрик казался слишком просторным. Рассчитанный на восемьдесят человек, он при наличии в нем всего двадцати казался необжитым и неуютным. Разместившиеся здесь

группки смотрелись скорей островками, чем единым целым могучего флота Оилтонской империи.

Поэтому майор Парадорский сразу не стал форсировать события, времени на пути к Нирване еще целые сутки, успеется. Не стоит кичиться своим старшинством в звании. Тем более что ему и собственных старых друзей для разговоров и дискуссий хватит. Здесь вообще собралась знатная компания, продержавшаяся дружно с самого первого года обучения в космодесантном училище: Гарольд, Армата, Граци, Бергман, Феликс, Лидия, ну и, конечно же, Клеопатра. Эти семеро вместе с ним прошли не только горнило обучения, боевых крещений сроком три года в училище, но и успешно освоили науку выживания и командования в Восьмом Секретном Корпусе (ВСК), где готовили элитных воинов непосредственно для Дивизиона. Там тоже три года отдано совершенствованию воинских умений, плюс четыре месяца боевой практики уже в роли командиров на прекрасно изученном Хаитане да еще в нескольких командировках. И вот теперь предстоит пройти последний барьер: Кафедру Интеллектуальной Стажировки. Даже не барьер как таковой, а скорее финишный этап на главной дистанции. На Кафедре идет окончательная «шлифовка и огранка» всех без исключения воинов Дивизиона. Восемь месяцев познания наивысших тайн империи, наистрожайших секретов в управлении войсками, восемь месяцев максимальных физических и умственных нагрузок. Казалось бы, удивить или запугать восьмерых офицеров – воинов-космодесантников уже нечем, так что к последнему этапу они относились с изрядной долей здорового скепсиса, жизненного оптимизма и молодого максимализма. «Если за шесть лет ни разу не оступились, то и тут прорвемся!»

Кроме шестерых друзей в мужском десантном кубрике находились еще три группы офицеров. Те держались пока обособленно, на контакт ни с кем идти не спешили, но внимание к себе все равно приковывали. Во-первых, все с боевыми наградами, о которых свидетельствовали специальные нашивки на форме. Во-вторых, все старше возрастом как минимум года на два, а то и больше, чем любой из окружения Парадорского. Ну и, в-третьих, у всех в поведении чувствовалось высокомерие по отношению к самым молодым коллегам. А на Парадорского вообще посматривали с улыбкой, в которой читалось презрение: «Тоже мне, майор нашелся! Штабной выскочка или маршальский сынок!» Наверняка и они сразу рассмотрели наградные нашивки, по которым неправдоподобно молодой майор имел несколько различных боевых медалей, полный бант орденов Витязя и самое кощунственное – знак наивысшего ордена империи, «Изумрудный Листок». Несколько смущало немалое количество наград, а также высокие звания остальных пяти друзей майора, но опытные

ветераны на своем веку и не такие группы золотой молодежи встречали. Их не слишком удивишь явным либо скрытым протекционизмом в среде карьеристов-военных.

Но вот определенный прищур в глазах сразу говорил: «Ничего, мальчик, если мы за тебя возьмемся, то тебе мало не покажется!»

Самая малочисленная группа из двух человек представляла такой род войск, как мобильная бронетехника. Чаще их называли обрами (операторы боевых роботов). Оба – капитаны, весьма похожие между собой физическим строением, фигурой, ростом, жестами и голосом, но ярко отличающиеся цветом волос: блондин и брюнет.

Самая многочисленная группа состояла из девяти нахмуренных и молчаливых дальников. Дальниками называли определенную элиту космических сил, дальних разведчиков. Среди этой девятки особенно выделялся непомерно грузный, раза в два шире самого Гарольда капитан. Словно борец сумо. Со своими раскосыми узкими глазами он смотрелся экзотично и колоритно. Но все остальное выглядело отталкивающе, а больше всего бросались в глаза презрительная улыбка, которой он буквально провоцировал молодых коллег, и хищный, неприятный оскал. Кажется, Ломоть Сала, как его сразу окрестил шепотом Гарольд, отличался помимо непомерного веса настолько же неумной тягой к скандалам. Оставалось только удивляться, как такую тушу могли призвать на службу в Дивизион? Может, он просто отправляется на Кафедру вместо живого пособия для отработки насмешек? Или собирается исполнять роль ходячего мешка для занятий боксом?

Именно такие мысли крутились в голове у Парадорского, когда он обвел взглядом кубрик и непроизвольно задержался на чернокожем коллеге. Старший лейтенант был третьим в еще одной группе офицеров и единственным негром на транспорте, довольно щуплым, ничем больше, кроме цвета кожи, не примечательным и уж на вид никак не воинственным. Но все-таки три ордена Витязя наверняка получил вполне заслуженно. Двое его напарников имели такие же комплекты боевых отличий. Но если те и физически могли считаться истинными витязями, то чернокожий товарищ смотрелся среди них как случайное недоразумение. Словно черный, сильно переболевший в раннем детстве аист среди своих белокрылых собратьев.

«А мы как смотримся? – вовремя задал себе правильный вопрос молодой майор. – Наверняка косятся на нас, считая никак не меньше, чем бастарды императора Павла Ремминга. Как бы до открытых ссор не дошло…»

Поэтому он сразу повернулся к своим друзьям и задал извечный, чаще всего нейтральный, но всегда актуальный для служивого человека вопрос:

– Интересно, а когда здесь обедать позовут?

Тема благодатная, неистощимая и всегда легко переходящая в любую иную плоскость бытия. Вот и сейчас разговоры о происходящем на транспорте и в большом мире рванулись не просто гейзерами, а настоящими вулканами.

И больше всего волновало ребят так и не услышанное обращение императора Павла Ремминга к народу. Оно транслировалось по всей империи, наверняка и окончилось уже, но убывающим по тревоге на практику офицерам возможности просмотреть или хотя бы прослушать его, как всем остальным подданным Оилтонской империи, не предоставили. Хотя собравшимся здесь было весьма интересно узнать, насколько в нем приоткроется правда о событиях более чем пятилетней давности. Но интенсивнее всего спорили между собой, перекрикивая всех остальных, Граци и Армата. Еще и Феликс добавлял остроты в их споре короткими междометиями и восклицаниями типа: «Мечтатель! Вот заливает! А ведь он прав! Ух, ты! Сам такой! Ну и ты и загнул!» – и некоторыми другими, менее приличными. Все-таки женщины их сейчас не слышали.

– Никогда, запомни, никогда император не назовет истинных имен участников событий на Хаитане, – со всей своей рассудительностью пытался доказывать Армата. – Это будет противоречить всем канонам сохранения военной, государственной и внешнеполитической тайны.

– А смысл?! – экспансивно восклицал порывистый, но полный жизненного оптимизма и юмора Граци. – Ты сам посуди, сколько уже людей про эти секреты знает! Да, почитай, все высшее адмиралтейство в курсе! Масса аналитиков! Сотни ученых и воинов городка! Не говоря уже о военных младшего звена.

– Ну не скажи. Ведь до сих пор имена участников никакому журналу или телеканалу выведать не удалось. А ведь они для такого дела огромных сумм не жалеют.

– Ха! Это только лишний раз доказывает, что жесткий контроль над средствами существует.

– Как же! Плевать наши журналисты хотели на контроль, – Армата многозначительно поднял указательный палец. – А уж иностранные издания, так и подавно.

– Рассмешил! – Граци и в самом деле заливисто хохотал, умудряясь при этом внятно разговаривать. – Да кому в иных королевствах или империях нужны истинные имена участников хаитанских событий?! Что они с этого поимеют? Нонсенс!

– Вот и нет! – стал распаляться и Армата, хотя при этом поглядывал на Парадорского, словно прося о моральной помощи в споре. – Любая разведка заплатит троекратно больше любого телеканала, лишь бы выведать – кто, где и как! Потом вражеские аналитики поработают над этим, вычислят места обучения элитных сил Оилтона и могут всегда ударить по ним в самый неподходящий для нас момент.

– Да что ты понимаешь! Перестраховщик!

– А ты?! Недальновидный авантюрист!

Тантоитан решил немного погасить разгорающиеся страсти:

– Ребята, чего даром глотки рвать. Вот прибудем на Нирвану, просмотрим выступление императора, и все станет ясно. Может, никакой угрозы над нашим любимым десантным училищем и не нависнет.

После чего грубый смех послышался с другой половины кубрика. Причем потешались сразу все восемь дальников, которые до этого негромко переговаривались, а сейчас хохотали над какой-то скабрезной шуткой того самого Ломтя Сала. Толстяк продолжал кривляться, но теперь уже свои ничем не закамуфлированные оскорбления выговаривал вполне громким отчетливым голосом:

– Ну вот, коллеги, а вы опасались, что наша золотая элита взрастает в каком-то важном, невероятно засекреченном детском садике. Хо-хо! Оказывается, это всего лишь какое-то плюгавенькое училище для малолеток.

Все расслышавшие друзья Тантоитана да и он сам гневно нахмурились, все еще пытаясь подумать, что они неправильно поняли и говорят не про них.

А презрительное гоготание продолжалось.

– Так и представляю себе картину маслом: все, ну прямо все враги нашей империи собрались, разведали и решили жестоко отомстить этой славной альма-матер истинных воинов и поборников высокого духа. Направили туда огромный бомбовоз, открыли люки и… – толстяк сделал артистическую паузу, во время которой все его друзья задержали выдох. – И закидали ребятишек тоннами сладких леденцов. Ну и чего вы ржете? Чего? Ведь после этого все курсанты только и будут что баловаться с леденцами и даже про ношение формы забудут. Вот тогда и настанет истинная трагедия: училище закроют по служебному несоответствию.

Хохот грянул воистину дружный. Вдобавок еще и обры вкупе с негром-пилотом заулыбались от всего сердца. Соратники чернокожего воина не выдавали своих эмоций, но все замечающий Танти успел заметить поощрительный кивок своего карточного напарника. Этот знак расценивался как: «Бей тузом!»

Но вот отреагировать первым старший по званию не сумел. За него это сделал лучший друг.

– Эй, ты, грязный кусок сала! – рявкнул Гарольд своим командирским голосом. – Давно тебе космодесантники рыло не чистили?! Так я сейчас пару твоих гнилых зубов вышибу, чтобы дышалось легче!

Он уже двинулся вперед, хотя на его пути жестко встал Парадорский. Тогда как толстенный дальник тоже вскочил на ноги и стал дурачиться с плаксивыми нотками:

– Неужели деткам в училище шоколадок не давали? Ай-я-яй! То-то я смотрю, они такие злые и невоспитанные. Придется наказать, надавать по попке…

– Капитан! Ведите себя достойно и не позорьте своего воинского звания! – заорал на него Парадорский. Он и так еле сдерживал своего приятеля. – Это вы затеваете инцидент своими пошлыми оскорблениями.

– Ой! Ну что вы, майор! – продолжал паясничать Ломоть Сала под смех своих соратников. – Разве детей оскорбляют? Их воспитывают!

– Как старший по званию я вам приказываю…

– Да иди ты!.. – оскалился толстяк. – Со своим званием к… своему папеньке!

Тут уже стало понятно, что никакие увещевания от банальной драки не остановят. Весь вопрос только и заключался теперь в том, все в этой драке сойдутся или не все? И как она пройдет? Понятно, что за оружие никто хвататься не будет, в случае нечаянного убийства трибунал и пожизненная каторга обеспечены. А вот кулаками помахать вроде как все не против. Обры стали приподниматься со своих мест, слишком уж презрительно поглядывая на шестерых космодесантников. Чернокожий старший лейтенант тоже был не против показать свою удаль в драке с численным превосходством. Зато двое его коллег сидели так, словно вокруг ничего не происходит, кроме скучной рыбалки, а поплавок вообще не дергается.

Тем временем Гарольд все-таки обошел своего лучшего друга и шагнул на центр кубрика.

– Ну что, жирдяй, собираешься за спины своих недалеких умом сослуживцев прятаться или выйдешь сам как мужчина показать, на что способен?

Дальники недовольно запыхтели, сжимая кулаки и делая шаг вперед.

– Трусишка! – хохотнул капитан Стенеси, и не думая отступать.

Но заводила и зачинщик скандала лишь презрительно фыркнул
и расставленными в сторону руками остановил коллег:

– Сейчас он у меня получит!

Видимо, очень надеялся на свою массу и, как оказалось впоследствии, весьма неплохие бойцовские качества. Даже удивительно было смотреть, насколько, казалось бы, неповоротливая туша стремительно скользнула вперед, а неимоверно длинные руки стали наносить хлесткие и сильные удары.

Да только все равно у дальника против младшего по возрасту десантника шансов не было. Слишком уж пристальное внимание в последние годы Гарольд уделял собственной физической подготовке и всем возможным, а порой невозможным видам единоборств. Настолько он всегда стремился доказать всем, а в особенности Тантоитану Парадорскому, что не слабей своего друга детства. Из всего потока, да и во всем Восьмом Секретном Корпусе (ВСК), равных по силе соперников для Стенеси не существовало. Кроме Танти, естественно.

А то, что Гарри не с первых трех ударов обрушил дальника на пол, так это говорило лишь о коварстве да желании как можно болезненней и обидней наказать обнаглевшего хулителя родного училища. Ну и по поводу оскорбленных сирот дополнительное наказание полагалось. Такое вообще не прощалось.

Поэтому первый удар по несущемуся навстречу противнику был нанесен не убойный, но сильный и точный, так что кожа у дальника на скуле под левым глазом сразу оказалась рассеченной. Кровь заструилась, как и следовало ожидать. Второй удар последовал в плечо, и третий уже с тыла по печени. Пока Ломоть Сала пронесся в сторону по инерции да разворачивался, Гарольд, не получивший ни царапины, взялся за словесное воспитание:

– Кстати, о наших родителях ты зря выразился плохо. Они трагически погибли, когда нам с Тантоитаном было всего ничего. Так что только за поругание светлой памяти ничего тебе не сделавших людей ты достоин сурового наказания.

Развернувшийся толстяк какое-то мгновение слушал, пытаясь вникнуть в смысл слов. Но потом нащупал рукой кровавую рану на лице, засверкал взбешенными глазами и снова пошел в атаку. На второй раз ему досталось еще больше: лопнула правая бровь и оказалось изрядно разорвано левое ухо. Пока он с рычанием это осознавал и вновь разворачивался за более подвижным и постоянно меняющим место противником, наущения повторялись:

– Если ты настоящий офицер, а не купил свои капитанские погоны на рынке, то наверняка свое училище или академию никогда оплевывать не станешь. Так какое ты имел право с презрением высказаться о нашей вотчине? Или ты вообще засланный провокатор и собираешься сеять раздор в нашей империи между военными?

Слова о провокаторе вполне вовремя остановили остальных дальников, которые могли сорваться в общую драку в любое мгновение. Хотя и пятеро десантников были готовы к горячей потасовке.

А вот обры уселись обратно. То ли им сразу стало понятно, на чьей стороне сила, то ли они и в самом деле признали слова капитана Стенеси воистину верными.

Негра силком усадили на кровать оба его товарища-пилота, что-то ему строгое буркнули, но зато сами встали так, что сразу стало понятно: они целиком на стороне космодесантников. Скорей всего, по суммарности всех этих причин драка и продолжалась один на один.

Теперь уже Ломоть Сала старался не разгоняться, просто, размахивая своими длинными ручищами, шел вперед как танк. Даже залившая лицо кровь ему не мешала. Но ведь Гарольд и не таким «танкам» башни сворачивал. Сводя на нет все поступательное движение противника, он непрекращающимися ударами кулаков и ног заставил того остановиться, а потом и перейти в глухую оборону. Еще и приговаривал при этом:

– Зависть мучает? Подайся в отшельники. Любишь подраться? Вали на ринг. Не сдержан на язык? Или он у тебя во рту не умещается? Так я его укорочу!

После этих слов носок ботинка достал локоть толстого капитана, и тот от боли стал проседать. Раскрылся при этом настолько, что стальной кулак Гарольда резким ударом выбил ему сразу пару передних зубов. Тут Ломоть Сала и рухнул на спину.

Жестоко. Но справедливо. Да и другим наука.

Какое-то время дальники еще находились на том шатком гребне, с которого готовились броситься в потасовку, но их остановил насмешливый голос Малыша:

– Господа офицеры! Запись событий в кубрике ведется на протокол постоянно! Каждое слово наверняка зафиксировано. Виноват в драке ваш толстяк. Скорей всего, на Нирване его уже на Кафедру не примут. Хотите тоже вместо Дивизиона оказаться в роли постовых на отработанных планетах? Да и не справитесь вы с этими ребятками. Так что не позорьте честь мундира, а быстро и дельно окажите помощь своему недалекому умом товарищу.

Несколько мгновений гнетущего молчания и нахмуренных переглядываний, после чего кто-то стал доставать пакеты первой помощи.

И как раз в этот момент дверь кубрика резко распахнулась и внутрь ворвалась с радостным криком капитан Ланьо:

– Ребята! Ура! Смотрите, что у меня есть! Кристалл с записью выступления Павла Ремминга. У экипажа вытребовала! Доставайте виртуальный проектор! – Она приближалась только к Танти, смотрела только на него, хотя и обращалась вроде как ко всем. Но все-таки сообразила осмотреться и только потом застыла на месте, уставившись на окровавленного, начавшего стонать толстяка. – Ой… А что это с ним?

Несколько флегматично потирая покрасневшие костяшки пальцев, Гарольд дал краткое пояснение:

– Да пока ничего страшного… Небольшие мужские развлечения, – и показывая, что тема закрыта, повернулся к Бергману: – Санек, доставай проектор! Сейчас и выяснится кто прав: Граци или Армата.

Глава 4

3594 г., середина осени, Оилтон – Нирвана

Пока доставали имеющийся в багаже у Александра Бергмана проектор, дальники подняли своего избитого товарища и даже успели оказать тому вполне квалифицированную медицинскую помощь. А Тантоитан в нескольких словах постарался рассказать своей любимой всю подноготную состоявшегося здесь

противостояния. Когда следом за Клеопатрой в кубрик пришла Лидия Шелди и с нею еще восемь офицеров женского пола, то лежащего на кровати пострадавшего уже и видно не было за спинами его коллег, а от пятен крови на затертой палубе не осталось и следа.

Поэтому общие темы и общий тон разговоров сразу стали задавать именно женщины. Они все-таки оказались умней, между собой не только не передрались, но и познакомиться успели, а теперь, явно заинтригованные, спешили увидеть то самое выступление императора, которое техники транспорта успели записать из эфира перед самым лунманским прыжком.

Несмотря на то что все остальные женщины имели звания старших лейтенантов, самой молоденькой среди них, капитану Ланьо, они нисколько не завидовали. Внешне, по крайней мере. И теперь оживленно щебетали:

– Нам и так было жутко интересно…

– А тут еще и Лидия нас шокировала, заявив, что лично знакома с некоторыми героями Хаитана.

– Верится, конечно, с трудом…

– Но если это так, то и мы отныне сможем похвастаться знакомством с товарищами тех самых таинственных воинов.

– Ой! Сколько я в свое время сплетен на эту тему наслушалась!

– А мне так с пеной у рта один балабол доказывал, что сам видел этих андроидов.

– Неправда! Утверждают, что там воевали мутанты с перестроенным организмом.

Мнения и предположения, наивные и весьма близкие к правде, сыпались как из рога изобилия. Зато мужчины сразу подтянулись, заулыбались, а юморист и весельчак Граци вообще привлек к себе общее внимание разудалым смехом и пикантными предложениями:

– Красавицы вы наши! А у меня к вам сразу предложение! А может, и вопрос! Вот если бы вы вдруг увидели в нашем кубрике хоть одного героя хаитанских событий, подарили бы ему каждая по одному поцелую? – Заметив, как на это реагируют Клеопатра и Лидия, он сразу предупредил: – Понятно, что вопрос не относится к капитану Ланьо и старшему лейтенанту Шелди. Одна почти замужем, вторая и так знакома с теми героями. А вот вы? Все восемь?

Рассаживающиеся на свободных кроватях женщины ответили покровительственным смехом и твердыми обещаниями, которые сводились воедино восклицаниями самой мощной на вид представительницы «слабого» пола:

– Не волнуйся, мальчик! Для таких парней нам и по три поцелуя не жалко. – Затем она томно закрыла глаза, потянулась и со стоном призналась: – А я бы так вообще не отказалась парочку тех мутантов изнасиловать.

– О-о-о! – в тон ей отозвался Граци. – От таких ласк любой мутант загнется!

– Ничего, мы ему массаж такой сделаем, – отозвалась еще одна бойкая на язык представительница женского офицерского сословия, – что он вновь станет стройным, как кипарис!

Под общий хохот участвующих в беседе и перепалке к ним подключился и капитан Стенеси, окончательно уверившийся, что инцидент с дальниками исчерпан:

– Ловлю на слове! – и указал рукой по очереди на обеих: – Как только отыщется первый герой, по моей наводке с тебя для него два изнасилования, а с тебя – два восстанавливающих массажа.

Не совсем понимающий, чего это все так беззаботно веселятся, Армата вновь решил напомнить о своих рассуждениях:

– Не забывайте, имена так могут и остаться государственной тайной. Вернее, истинные имена. Просто вместо этого могут озвучить какие угодно. То есть вымышленные.

– Но ведь император пять лет назад пообещал! – возмущался Граци от лица всех остальных. – И если он не сдержит слова, то страну ожидает…

Он запнулся, подбирая синоним помягче к «всенародному бунту», но на него тут же стала морально давить Клеопатра:

– И не стыдно? Тоже мне офицер! Против решений императора осмелишься возражать? Или он с тобой вначале посоветоваться должен?

– Да я не в том смысле, – стал оправдываться старый друг. – Сам все понимаю, но ведь народу очень интересно…

– А ты что, народ? Ты просто служишь! Вот что прикажут, то и делай!

Тантоитану пришлось придержать свою любимую за руку:

– Да ладно тебе, не заводись. Сейчас все узнаем. Бергман, что ты там так долго копаешься?

– Клеммы батареи пришлось зачистить и выровнять. Сейчас, сейчас… О! Есть контакт! Девочки, прекращайте галдеж!

Тотчас в центре кубрика зависло голографическое изображение императора, хорошо видимое со всех сторон. Тридцать офицеров, не исключая пострадавшего всего десять минут назад в драке толстяка, затаили дыхание и стали внимательно слушать.

Нельзя сказать, что выступление первого человека Оилтонской империи только и сводилось к пересказу или разъяснению единственного, пусть и весьма знаменательного, события. Подобное мероприятие было ежегодным и приурочивалось к символическому первому дню зимы. Хотя на многих планетах подданные порой за всю жизнь и снега не видели, но такая традиция сложилась на Оилтоне издавна, а потом уже перекочевала во все иные периферийные звездные системы. В конце календарной осени проводили нечто подобное губернаторы планет, потом систем, ну и венчало всю эту вереницу добровольных самоотчетов перед народом выступление императора. Порой его могла замещать помогающая править императрица или наследный принц. Но

в любом случае первый календарный день зимы всегда ознаменовывался подобным мероприятием.

Павел Ремминг поэтому говорил долго, до ожидаемых фраз истекло добрых минут сорок. О внутренних успехах, о существенных достижениях своего государства, о внешней и внутренней политике. О возможных трудностях, которые по конкретно названным причинам могли как-то повлиять на всеобщий уровень жизни многомиллиардного населения.

И только потом правитель империи перешел к так сильно интересующему многих вопросу:

– Чуть больше пяти лет назад в нашей истории произошло одно весьма значительное, можно сказать, принципиально важное событие. Коварный враг попытался нанести по нашей империи двойной, изощренный и крайне подлый удар. Воспользовавшись нашим миролюбием, хорошо известный вам всем супостат захватил на планете Хаитан два наших научных городка. При этом без всякого предупреждения о войне, атакуя и убивая наших военнослужащих. Тысячи гражданских и военных лиц были захвачены в заложники и оказались на волосок от гибели. При этом враг преследовал и еще одну цель: для манкирования на политической арене, дополнительного шантажа и для затяжки времени он попытался взять в заложники и наследного принца империи Януша Ремминга. Его высочество как раз находился на уникальной планете с рабочим визитом. Казалось бы, неприятель продумал все и был весьма близок к успеху. Да только не учел истинной доблести, отваги и воинского умения наших молодых воинов-космодесантников…

При этих словах императора глаза соседей по кубрику с совсем иным выражением прошлись по группе притихших молодых коллег. А Малыш вслед каким-то своим мыслям коротко воскликнул: «О-о!», словно что-то припомнил.

– …Одиннадцать молодых воинов, – продолжал Павел Ремминг, – стажирующихся после первого курса, оказались в самой гуще событий, охраняя нашего наследника при содействии его нескольких телохранителей. Благодаря их умелым и решительным действиям в тяжелейшей обстановке, цейтноте времени, в окружении хищных монстров и преследующих убийц молодые защитники нашего отечества вышли победителями. Причем не только оберегли вверенного им под охрану принца, но благодаря творческому подходу к своим действиям заставили врага раскрыться раньше времени, потерять инициативу,

а в конечном итоге вычислить направление наиболее опасного удара непосредственно по нашей столице. А напоследок молодые космодесантники неожиданным штурмом сумели отбить один из научных городков, освободить наших заложников да еще и пленить сотни растерянных и деморализованных врагов. Впоследствии этих пленных, причем с самыми высокими воинскими званиями, мы обменяли на наших подданных, находившихся в другом городке. А в итоге очистили планету Хаитан от подлых агрессоров. И еще раз хочу напомнить, что своевременное раскрытие основных тайн противника помогло нам вовремя ликвидировать угрозу, нависшую над столицей с дальней орбиты Оилтона.

Император сделал паузу, как бы давая возможность слушателям оценить все подвиги, совершенные молодыми воинами. Воспользовавшись этим, крепыш из троицы пилотов ткнул приятеля-негра кулаком в плечо и воскликнул:

– Ну, теперь обеспечен тройной наплыв парней и девушек в оилтонское училище.

– Ха! – успел воскликнуть Малыш. – Десятикратный!

И опять все внимание офицеров сосредоточилось на голографической трансляции проектора.

– Еще пять лет назад я пообещал народу раскрыть все подробности хаитанских событий. Сегодня пришло время это сделать. Отважные космодесантники давно получили внеочередные звания, почетные награды и денежные поощрения, а сейчас настала пора всенародно назвать имена наших доблестных защитников. Все мы можем гордиться этими бесстрашными парнями и девушками, которые уже стали примером для подрастающего поколения. Итак…

Речь императора достигла кульминации. Пожалуй, никто из присутствующих не мог с уверенностью сказать, что будет произнесено дальше. По здравым рассуждениям Арматы получалось, что и в самом деле истинные имена лучше не называть. Подрастающее поколение и так будет в восторге. Впрочем, как и все остальные подданные Оилтонской империи.

Но где-то в глубине души у каждого участника памятных событий шевелилось некое подспудное ожидание: «А вдруг назовут? Почему бы и нет? Наша империя себе и не такое может позволить… Да и мне…» Далее шли еще более разнообразные варианты собственного отношения к этому: от справедливой гордости за себя и друзей до некоего панического страха – все-таки одно дело, когда о твоих подвигах знает строго ограниченное количество людей, и совсем иное – когда о тебе узнают все. Все без исключения. Вся преогромнейшая Галактика. Потому что во всех звездных королевствах, империях и республиках уже давно не угасал интерес к таинственным «мутантам».

Оставалось только дослушать Павла Ремминга.

– Итак… Вот они, герои хаитанских событий: Роман Бровер, Магдалена Шерех, Александр Бергман…

Когда из уст самого императора Оилтонской империи прозвучало имя первого из присутствующих, Саша, сидящий ближе всех к проектору, не смог себя сдержать и вскочил на ноги. Вытянулся по стойке смирно.

Затем назвали Лидию Шелди, и она последовала примеру своего товарища.

Назвали всех, в том числе и Клеопатру Ланьо. Из десантников остался сидеть только странно напряженный майор.

– …Ну и самую наивысшую награду нашей империи, – продолжал Павел Ремминг, – «Изумрудный Листок» получил командир отделения бравых космодесантников Тантоитан Парадорский. Если все герои меня сейчас слышат, хочу еще раз их поздравить и поблагодарить не только от себя и всей своей семьи, но и от имени всего нашего народа. Спасибо вам! – И закончил свою речь знаменитым лозунгом бойцов Дивизиона: – Послужим Оилтонской империи!

На что стоящие в кубрике офицеры отозвались дружным хором:

– Сердцем, умом и умением!

Глава 5

3594 г., середина осени, Оилтон – Нирвана

Запись закончилась, голографическое изображение императора растаяло в воздухе, и на какое-то время в кубрике повисло особо торжественное молчание. Героям не хотелось выяснять между собой, кто оказался прав, а кто неверно предугадал ход событий, просто у всех перед мысленным взором мелькали разноцветные джунгли подземного мира Хаитана.

К реалиям данного времени всех вернули восклицания капитана Николя Чарески. При этом он двинулся к геройским космодесантникам и стал каждому пожимать руку:

– Горжусь! Честное слово, горжусь, что в свое время преподавал не только в самом вашем училище, но еще и успел месяц с хвостиком давать лично вам начальные знания по тактике высшего пилотажа. Поздравляю! От всей души рад!

Еще и представлялся при этом, не слишком надеясь на цепкую память героев. Следом за ним двинулся и капитан Агнер Ллойд, которого все иначе как Малыш и не называли:

– И я рад! Мне ведь тоже посчастливилось с вами учиться. Правда, на два курса старше и только в Восьмом Секретном Корпусе, но все равно лестно. Тем более что по некоторым своим наблюдениям я сразу заподозрил именно в вашей группе тех самых героев хаитанских событий.

На что Клеопатра сразу прищурилась:

– И каким образом заподозрил?

– По рассказам некоторых своих знакомых, которые, не называя никого конкретно, все-таки дали определенные характеристики вашего командира, описания девушек, восторгались вашей дружбой, взаимовыручкой и поражались вашей молодостью. По здравом размышлении, молодыми могли быть только выпускники первого курса вашего училища. Внеочередные звания имели только вы. Про награды я вообще не говорю – надо сильно отличиться, чтобы получить

их в вашем возрасте, да еще и настолько высокие, каких даже дети маршалов не имеют. Ну и половина секретной службы нашего Корпуса тщательно и незаметно за вами присматривала. А уже только это подталкивает к определенным выводам.

– У-у ты, какой наблюдательный! – похвалил коллегу капитан Гарольд Стенеси, придерживая его руку в рукопожатии. – Мы сами только на втором курсе засекли плотный надзор за нашими душами. В увольнения стало ходить неинтересно.

Тогда Гарри и в самом деле сильно перенервничал, потому что каждое его любовное похождение непонятно каким образом становилось известно старшему преподавателю, и тот с маниакальной настойчивостью примерного семьянина пытался воспитывать морально ослабленного молодого офицера.

Тем временем Малыш и до руки Тантоитана добрался, и после незаметного перемигивания и слишком громкого поздравления официальным тоном перешел к реализации своей задумки:

– Вообще-то, умение каждого командира мыслить тактически подразумевает и наличие определенных умственных способностей. А где подобные способности проверяются лучше всего?

– В бою! – фыркнул Парадорский, еле сдерживаясь от неожиданно разобравшего его смеха.

– Сейчас не бой, – продолжал гнуть свою линию его тайный собрат по картежным играм. – Значит, проверить твою сообразительность, майор, можно только одним способом. Поэтому предлагаю некий тест на проверку твоей логики и сообразительности. – Оглянувшись на кубрик и заметив, что все остальные офицеры не последовали примеру и не спешат поздравить геройскую молодежь, он еще больше раззадорился, решив и за это наказать зазнаек: – Господа офицеры! И в самом деле, давайте дадим нашим извилинам в мозгу определенную зарядку и сыграем в карты? Надеюсь, – он опять резко развернулся в Парадорскому, – ты не испугаешься тех, кто хоть в чем-то тебя превосходит?

– Почему сразу превосходит? – сделал майор вид, что «заводится». – Я и не таких старых пеньков, как ты, разделывал, словно школьников.

– Даже так?! – мастерски разыграл притворное возмущение аристократ. И опять обратился к коллегам: – Господа! Найдутся еще двое среди вас желающие показать молодежи, как играют настоящие стратеги, тактики и опытные профессионалы?

После короткого совещания и науськивания приятелей азартные игроки откликнулись. Хотя первым шагнул вперед блондинистый обр. Видимо, был слишком уверен в своих умениях. Поэтому дальники, хоть и пытались вначале делегировать на игру сразу двоих представителей от своей группы, вынуждены были отправить одного, но самого маститого.

Зато жутко обеспокоилась резко нахмурившаяся Клеопатра. Она подхватила своего мужчину за локоть и довольно громко зашептала:

– У тебя что, много денег завелось?

– А я и не собираюсь проигрывать, – ответил тот.

– Так ведь ты вообще играть не умеешь! – изумилась она во всеуслышание, тем самым непроизвольно еще больше помогая желаемому имиджу. – Или без моего ведома научился?

– Конечно, научился. Если у тебя есть собственные секреты, то почему их у меня быть не может?

В последнее время эти так называемые нераскрытые семейные секреты стали основным камнем преткновения в личностных отношениях между влюбленными и поводом для постоянной грызни, склок и серьезных скандалов. У них даже определенный термин по этому вопросу появился: «крикдал». От слова «крик» и второй части слова «скандал». И этим крикдалом они занимались в последние годы частенько.

В данный момент они бы опять с удовольствием обсудили наболевшую тему, особенно Парадорский, но обстоятельства не позволили. Данное обещание сыграть и притворный азарт звали в бой. Так что карточное сражение для уединившихся чуть в сторонке четырех офицеров вскоре разгорелось не на шутку. А благодаря уникальной сыгранности между двумя скрытыми

партнерами превратилось в настоящую баталию.

Клеопатра вначале хотела придумать любой повод для прекращения игры, но тут отошли от первого эмоционального шока женщины. И с таким азартом и жаром набросились на героев с требованием подробностей, что стало не до картежников. Да еще и Граци с Гарольдом устроили эпохальную торговлю по поводу обещанных поцелуев и массажей с желанными «изнасилованиями». Не то чтобы представительницы слабого пола сильно отнекивались от своих высказанных до выступления императора обещаний, но пикировка и на эту тему получилась знатная. В общем, в новой большой компании, к которой с удовольствием присоединился Николя Чарески и с некоторым смущением Алоис Полсат, кричали, шумели, спорили и смеялись довольно бурно.

Следовательно, и о четверых картежниках почти забыли. Раз хотят опустошить карманы друг друга и доказать, кто умней в предвидении действий противника, то на здоровье. Да и мешать им, по офицерским понятиям, было делом постыдным, неприемлемым.

А любители азарта и рады были.

Больше всего в игре лихорадило молодого майора. То ему неожиданно крупно везло, то при отличной карте он делал банальный неверный ход и крупно проигрывал. Поэтому состояние его кошелька оставалось все время примерно одинаковым. На этом фоне медленное, но уверенное обогащение Малыша не слишком бросалось в глаза. Ну а дальнику и обру, хоть и бывшим постоянно в проигрыше, казалось, что они в любой момент смогут отыграться, следует только дождаться удачной карты и вовремя разгадать задумки соперников. Все настолько увлеклись, что, когда объявили обед, картежники попросили своих приятелей и друзей принести их порции в кубрик.

Обиженная Клеопатра сделать это для Танти и не подумала. Хоть таким образом она хотела оторвать его от игры. Зато Гарольд не погнушался доставить другу целых две порции. Для принесенных блюд освободили тумбочки из зажимов и сдвинули рядком, и теперь игроки могли есть, не отрываясь от игры. Ну а когда насытились, то настроение у тех, кто выигрывает, поднялось еще выше. Тут уже во всей своей красе выступил Малыш. Причем он успевал не только отлично играть, весьма интенсивно увеличивая свой выигрыш, но и вести отвлекающие философские беседы с партнерами, увлекательно разглагольствуя на различные темы, а порой даже кидать в сторону основной группы интенсивно

спорящих офицеров короткие вопросы и острые замечания.

В некоторых случаях Тантоитан Малышу грамотно подыгрывал, исполняя свою оговоренную роль несколько зашоренного правилами, жадноватого, но очень мечтающего выиграть индивидуума. Делал вид, что сердится, обижается на невинные подтрунивания, а посему и делает неверные ходы. А при малейшем выигрыше пытался разыграть вселенскую радость:

– Ну вот! Я знал, что Фортуна на моей стороне! Вот это запись! Приятно видеть такие суммы!

– Экий ты злорадный, – кривился Малыш, хотя сам проиграл на данной раздаче чисто символическую сумму. Основной урон понесли дальник и обр. – Да ты за наш счет хочешь себе внешнекосмический флайер купить?

– О! Отличная идея! Мне как раз скоро жениться, так что будет моей супруге свадебный подарок. – Танти оглянулся на увлеченную разговорами Клеопатру и вновь вернулся к игре. – Ведь у семейного человека расходов многократно больше, чем у холостяка…

– Ага! Значит, так?! – делал вид, что сердится, Малыш. – Решил на наших скромных жалованьях создать для себя персональный рай? Но учти: нельзя стать миллиардером, обкрадывая честных людей. Только если – нечестных. А мы ведь с вами, ребята, – апеллировал он к проигрывающим коллегам, – как раз самые что ни на есть честные и скромные.

Те согласно кивали. Набирались решимости. Рисковали в очередной раз. И… благополучно проигрывали. Причем вместе с Парадорским. И крупно проигрывали! Но и в этом случае Малыш старался внушить им оптимизм и веру в будущее, занося свой личный выигрыш как бы в заслугу не только себе, но и парочке маститых игроков:

– Как мы его! Ха-ха! Будет знать, как с ветеранами за один стол садиться. Это не из автомата стрелять или кулаками махать, здесь мозгами думать надо. Эй, Николя! – Он обратился к своему старому приятелю. – Будь добр, подай там бутылку водки из моего багажа. Хочу угостить моих новых приятелей в честь выигрыша.

Финал оказался вполне закономерен. Что обр, что дальник проигрались не просто в пух и прах, но и денежные вливания со стороны своих приятелей спустили по полной программе. Причем молодой майор выиграл из этой общей суммы всего лишь пятую часть, но, следуя выбранной для себя роли, радовался как ребенок и первым делом умчался к своей невесте делиться радостными новостями. Тогда как Малыш, разливая остатки водки по стаканам проигравшим, вздыхал и сетовал на жизненную несправедливость:

– Везет же некоторым! Видимо, и в самом деле счастливчик! – как будто это не он только что выверенными жестами аристократа разложил по карманам четыре пятых выигранной суммы. – Ладно, ребята, не повезло сейчас, повезет завтра! И будем держаться этого жизненного кредо! Рад был познакомиться. За вас, за наше поступление в Дивизион! Придется ведь вместе служить…

То есть он получался как бы ни при чем, еще и в сегодняшний день возвращал «невезучих», напоминая о совместной службе. А Тантоитан, мол, если и выиграл, то только благодаря массированным случайным совпадениям, которые сводятся на определенном жаргоне всего в два слова: «Масть пошла…». На него вроде как и обижаться нельзя, но и посмеяться не получится: хоть не все, но ведь выиграл! А чуть позже Малыш и сам поспешил в гущу веселой компании, отвергая пожелания еще двух дальников сыграть в другую карточную игру и там показать свое мастерство:

– Да нет, я в «кинга-пятнадцать» вообще не силен. Да и хочется десантуре несколько конкретных вопросов задать. Все-таки они единственные из нас, кто непосредственно в близком бою сражался лицом к лицу с горбатыми пьяницами.

И спрашивал. Очень настойчиво, интересно спрашивал. А чтобы лучше отвечали, не пожалел очередные две бутылки водки из своих стратегических запасов. На их большую компанию такой мизер алкоголя опьянения не принес, зато веселье и настроение поднял однозначно. И к моменту гипотетического отбоя все так расшумелись и расслабились, что перешли к песням. Обры, к тому времени отбросив обиды и спесь, тоже присоединились, а вот дальники так и не откликнулись на неоднократные приглашения. Мало того, когда на короткое мгновение зависла пауза после окончания песни, один из друзей побитого толстяка недовольно воскликнул:

– Сколько можно шуметь?! Отбой уже прозвучал!

На что самая бойкая старшая лейтенант предложила своим новым приятелям:

– А пошли еще часик у нас в кубрике посидим? Там даже уютнее.

Так что посиделки и песнопения с жаркими спорами продлились до условного утра. И только за несколько часов до прибытия на планету Нирвана сплоченная довольная компания решила закругляться с пением, спорами, анекдотами и расходиться для короткого сна. Вот тогда обр-блондин, который проигрался в карты, приостановил Малыша в коридоре на общей палубе:

– Можешь не оправдываться и не подумай, что я жалею о своих потерянных в игре галактах. Наоборот, благодарен тебе за науку. Но только полчаса назад до меня дошло: ты контролировал всю игру. Не знаю, как тебе это удавалось, но наверняка и майору ты дал выиграть столько, сколько посчитал нужным.

– О, дружище! Это уже паранойя! – душевно рассмеялся Малыш. – Так можно и мать родную заподозрить во всех тяжких грехах, когда ищешь оправдания для самого себя. Просто я не поддавался эмоциям, использовал все представившиеся мне шансы по максимуму, а вы слишком хотели обыграть именно одного человека. Вот вам и обломилось.

– Ладно, ладно! Не оправдывайся, – несколько грустно заулыбался блондин. – Я ведь сразу предупредил, что не в обиде. Но теперь уже точно больше ни разу в жизни с тобой за один карточный стол не сяду. А то и вообще в себе азарт искоренить попытаюсь. В любом случае он для воина – помеха.

– Да, тут ты прав, – понурил голову обладатель основных выигрышей. – Пагубная страсть, сам давно мечтаю избавиться…

– Эх! Натурально у тебя получается! – уже от всей души рассмеялся обр, похлопывая коллегу по плечу. – Мыслитель! Тебе на роду написано стать великим философом.

– Ха! Если все время мыслить, то на что же тогда существовать?

– Вот-вот! Два моих месячных жалованья ты уже сегодня заработал себе на существование.

Но, делая такой вывод, офицер – оператор боевых роботов не выглядел подавленным или расстроенным. Видимо, и в самом деле вынес из своего нового знакомства полезные, далеко идущие соображения.

Глава 6

3594 г. середина осени, Нирвана

Посадка на планету прошла буднично, в штатном повседневном режиме. Причем на этот раз обошлось без экстраординарных встрясок и перегрузок, как случилось при старте. Полоса климата здесь считалась более зимней, чем летней, и на данный момент температура воздуха составляла минус шесть градусов по Цельсию. Без снега, но морозец после перегретого транспорта пробирал сразу. Благо что теплые куртки, на которых и знаки отличия было трудно разобрать, имелись у всех.

В космопорту, поверхность которого была сделана из загальского асфальта, группу из тридцати офицеров встречал внушительный майор с застывшим на лице снисходительным выражением закоренелого служаки и опытного ветерана-всезнайки.

Дождавшись, пока прибывшие выстроятся в единую шеренгу, выставив свой багаж перед собой, он начал с общего приветствия, а потом продолжил:

– Меня зовут Минри Хайтек. Заместитель командира Дивизиона по комплектации. На данной Кафедре я буду вашим командиром, непосредственным куратором. Все вопросы интеллектуальной стажировки, ваших проверок и окончательных экзаменов находятся в моем ведении. Все ваши личные дела прибыли вместе с вами, так что знакомиться будем на ходу, во время вашего расселения в жилом корпусе и на первой лекции общего введения. – Минри Хайтек стал прохаживаться перед строем, строго рассматривая выстроившихся офицеров, каждого в отдельности. Причем не скрывал своего удивления, что на правом фланге, несколько не соответствуя общевойсковым понятиям, стоят самые молодые и нахальные. – Мне тридцать два года, имею полный бант боевых орденов Витязя и некоторые другие награды. Солидный опыт в преподавательской деятельности, последний год –

старший инструктор по боевым единоборствам при Высшей имперской военной академии. Понимаю, что каждый из вас прибыл сюда после солидной заявки стать самым лучшим из лучших. Наверняка у большинства из вас и награды имеются, не меньшие, чем у меня. Но буду со всей строгостью блюсти правила поведения внутри коллективной иерархии. А посему… – Он дошел до правого фланга, остановился против молодого офицера и вознамерился с первого часа заняться соответствующим воспитанием. Но только сейчас рассмотрел майорские знаки различия, и это его несколько сбило с мысли. – …А посему… хм! Следовательно… вы все… да и остальные тоже… обязаны строго, можно сказать, скрупулезно подчиняться каждому пункту внутреннего устава.

Так и не придумав, к чему придраться, замкомандира Дивизиона двинулся к левому флангу, присматриваясь к офицерам еще внимательнее. Но по его лицу читалось явно, что своего коллегу с таким же майорским званием он квалифицировал однозначно и верно: «Штабной выскочка!» И прежде чем не просмотрит его личное дело, больше с ним общаться не желает. Во время движения он стал довольно монотонно перечислять правила поведения на планете Нирвана в целом и в жилом городке Кафедры Интеллектуальной Стажировки в частности. Дошел до конца строя и удивленно задвигал бровями при виде того самого Куска Сала. Причем на этот раз он не смог удержаться от прямого вопроса:

– А кто это у нас тут такой… хм, красивый? – На опухшее лицо дальника вообще было трудно смотреть без содрогания. – Да вы, капитан, никак к нам из госпиталя сбежали?

– Никак нет, господин майор, – довольно бодро, хоть и с жуткой шепелявостью, отрапортовал толстяк. – Просто небольшая бытовая травма. Неудачное падение по трапу.

Кажется, распространяться на тему состоявшегося в кубрике поединка офицер не собирался. Да оно и лучше было, ведь узнай куратор о причине ссоры, мог бы сразу на том же транспорте отправить обратно на прежнее место службы. Уж по поводу слишком строгого отсева среди кандидатов в Дивизион ходили целые легенды. Но вот Минри Хайтека такой ответ не удовлетворил, опыт у него и в самом деле имелся немалый.

– Падение по трапу? Да прямо вот так – зубами, ухом, скулой и тому подобным?

– Так точно! Но поверьте, пустячные ссадины отвлекать меня от службы не будут.

– Да верить-то хочется. Но что с тобой тогда на полосе препятствий случится? Тут у нас почти такая же, как и в самом Дивизионе. А там – одна из самых сложных в Галактике. Порой и погибают воины при ее прохождении. Так что мне страшно становится: если ты на камбуз так спешил и себе личико изуродовал, то что с тобой на легкой боевой разминке произойдет?

– Готов хоть сейчас доказать делом, – продолжал упорствовать толстяк, – что мои раны – досадная случайность и недоразумение.

– М-да? Ладно, докажешь, я тебе в первую очередь возможность предоставлю. – Куратор двинулся к центру строя, оглядывая всех строгим взглядом. – Да и обязательно выясню причины этого «недоразумения». И наверняка узнаю, кто конкретно из боевых товарищей помог нашему безразмерному коллеге так неудачно скатиться по трапу.

Судя по нескольким вырвавшимся смешкам, к толстяку отныне грозило приклеиться совсем иное прозвище: «Безразмерный». Хотя оно в любом случае могло оказаться предпочтительнее, чем Кусок Сала.

Дойдя до места по центру строя, Хайтек заметил, что два боевых десантных флайера уже загрузили в свои трюмы доставленный груз, и решил, что пора завершать предварительное знакомство.

– Какие будут вопросы? – Заметив поднятую женскую ладонь, кивнул: – Да?

– Старший лейтенант Лидия Шелди, – представилась девушка. – У меня вопрос чисто географический: Кафедра находится в зоне льда или раскаленной пустыни?

– Если вы мечтаете позагорать, госпожа старший лейтенант, то спешу вас обрадовать: смуглая кожа вам обеспечена. А если предпочитаете прохладу, то тут вам тоже повезло: мы будем отрабатывать выживаемость в условиях вечного льда. Для этого не придется даже на полюс лететь. Ледовые лабиринты в двухкилометровой толще уже начинаются через сотню километров от данного космодрома. Еще вопросы будут? Тогда… на первый-второй рассчитайсь! – дал

он неожиданную команду. – Первые номера два шага назад! Вторые берут свои вещи и бегом марш во флайер номер два. Веселей, веселей! Теперь первые номера бегом марш в первый флайер. – И уже сам, двигаясь к загружаемым аппаратам, проворчал себе под нос с явным недовольством: – А то выстроились совсем не по уставу! Видимо, эти выскочки из штабов совсем совесть потеряли. И кто это, интересно, так безразмерному дальнику рожу отрихтовал? Неужели его же приятели темную устроили? Потому как иные стажеры даже количественно не подходят под дело мордобоя. Ладно, разберусь…

Кафедра Интеллектуальной Стажировки будущих служащих Дивизиона, которая прикрывалась вывеской научно-исследовательского института, возводилась лет двадцать назад по самым современным и дорогостоящим технологиям. Даже сейчас подобная внутренняя начинка зданий считалась большой редкостью. А внешне выступающее из скалы здание было стилизовано под участок древнего города с куском крепостной стены. Несколько непривычно, мягко говоря. Тем, кто видел постройку первый раз, не удавалось удержаться от восторженных восклицаний. Ведь только что флайеры на приличной скорости снизились к зубчатым скалам, покрытым вечными снегами и ледниками, пронеслись по совершенно темному ущелью, резкий поворот и… Вместо ожидаемой долины – широкое ответвление в сторону и подсвеченный отовсюду светом прожекторов участок древнего города из ярко-желтого камня. Даже полоска дневного света над головой, слегка затененная бронированным пластиком, могла показаться совершенно неуместной. В любом случае создавалось впечатление освещенной солнечным светом сказки.

Как тут не восхититься!

Местный пилот, ведущий флайер с первыми номерами, на громкие восклицания самодовольно рассмеялся и воскликнул:

– Добро пожаловать в рай и ад Седого ущелья!

В ответ Малыш сразу же стал экспансивно восторгаться:

– Чудесно! Если перед нами ад, то мне здесь очень нравится.

– Спешу разочаровать, – посерьезнел пилот. – Сказочно смотрится Кафедра не только снаружи, ну и внутри благодаря своим уникальным новинкам. А вот ад –

несколько в ином месте, во второй части ущелья. Мы чуть раньше свернули…

– Местные монстры? – без всякого страха заулыбалась Клеопатра. – Или жуткие растения, растущие на раскаленной магме?

– Гораздо хуже! Там – полоса препятствий. И я рад, что мне не приходится сдавать на ней зачеты. Не гожусь для вашего Дивизиона.

Тантоитан оглядел своих снисходительно улыбающихся друзей, среди которых выделялись широко раскрытые глаза Малыша. И хмыкнул:

– Ты тоже рад будешь показать свою удаль?

Но вместо положительного ответа получил жалостное стенание:

– Обманули!..

На эту провокацию откликнулся уже хорошо знакомый обр-блондин:

– Интересно, в чем это такого картежника обмануть можно?

– Во всем! Ты только подумай, – они уже подхватили свои вещи и спускались по трапу, – нам обещали сколько-то месяцев интеллектуальной стажировки. Еще раз вдумайся: интеллектуальной! А что взамен? Все та же тупая физическая муштра на пределе человеческой выносливости. Разве ума от этого прибавится?

Все поняли полюсность мышления, улыбнулись, и только Тантоитан, пряча смешинки в глазах, продолжил тоном занудного инструктора:

– Ума от этого не прибавляется, но он остается целее – однозначно. Так что здешняя полоса – это не только место для развлечения, но и стартовая полоса для твоих будущих подвигов.

– Ха! Опытный воин должен придерживаться иной поговорки: в жизни всегда есть место подвигу, надо только держаться от этого места подальше.

– Может, тебе и служить не нравится? – возмутилась Клеопатра.

– Да вот сам никак не пойму, чего это я среди вас делаю?

Присоединившийся к ним Николя прекрасно слышал последние слова, поэтому не постеснялся дать некоторые разъяснения:

– Да вы его не слушайте. Это он так рисоваться любит. На самом деле секрет у него один существует, из-за которого он в армии еще и на пенсии останется постреливать.

– Что за секрет? – подыграл одному из лучших пилотов Парадорский.

– Очень жуткий секрет: наш Малыш больше ничего в жизни делать не умеет. Его даже в поливальщики цветов не возьмут, потому что он не знает, с какой стороны за шланг взяться.

Так как Малыш смеялся громче всех, а чернокожий Алоис лишь натянуто улыбался, складывалось впечатление, что он сам и придумал про себя подобный прикол.

Подтянулись остальные к главному входу, где уже возвышался на верхней ступеньке Хайтек. Кажется, веселье среди личного состава куратору не нравилось.

– Какие смешливые попались, – ворчал он, подзывая к себе сержанта из караульной службы. А потом, обращаясь к тридцати прибывшим офицерам: – День прибытия – без занятий. Считается ознакомительным. Ужин через час. Постарайтесь провести этот вечер с пользой, познакомиться с внутренним устройством здания. Пройдитесь по аудиториям и лабораториям, саунам, бассейнам, тренажерным залам. Разве что запрещено спускаться в подземный бункер, далеко и тягостно. Для поселения вам выделена жилая галерея под номером четыре. Боец интендантского взвода внесет вас в списки проживающих и все покажет. В комнате – по два человека. Расселяетесь сами. Справитесь? Не подеретесь?

– Никак нет! – откликнулись сразу несколько стажеров. – Чай, не юные салаги.

– Как сказать, как сказать… Вперед! – Но сам Хайтек не отправился в иное место, как показалось вначале, а протопал следом за новичками в четвертую галерею и, встав на перекрестке коридоров, стал пристально наблюдать за расселением. Кажется, он не слишком-то поверил, что обойдется без трений и разногласий. Но все вроде проходило чинно и на удивление мирно. Явные ветераны дали право первого выбора молодым и только потом стали заселять оставшиеся комнаты.

«Майор-штабист» выбрал комнату самую первую от перекрестка, продиктовал сержанту интендантского взвода две фамилии и вместе с молодой красоткой стал заволакивать вещи внутрь. Вот тут внешняя невозмутимость и терпение куратора дали солидную трещину. Не скрывая своего недовольного ворчания, он приблизился к только что захлопнувшейся двери и без стука открыл. Хотел высказаться с язвительностью и сарказмом, но уже скинувшая верхнюю куртку капитан вызверилась на него:

– Чего надо?! В детстве стучать в дверь не научили?! Или руки больные? Так мы разрешаем и ногами к нам стучаться!

Он такой дерзости и нахрапистости Хайтек сбился с мысли, а лицо его стало наливаться краской:

– Как?! Кто такие?! Это вам не там! И почему нарушаете, э-э… так сказать…

Тантоитан постарался сбить напряжение несколько показным рвением и исполнительностью:

– Майор Парадорский и капитан Ланьо! Прибыли на стажировку как выпускники, закончившие с особым отличием Восьмой Секретный Корпус.

Тогда как его любимая и не подумала в чем-то оправдываться:

– По уставу при подобных поселениях позволено офицерам селиться смешанными парами. Тем более что мы уже более пяти лет считаемся мужем и женой.

Но куратор застыл в каком-то ступоре, усиленно пытаясь вспомнить:

– Где-то я ваши фамилии слышал… И совсем недавно! Хм… что за напасть?.. Ваши родители военные?

Парадорский тоже сбросил теплую куртку, и теперь на его обмундировании стали заметны орденские планки. Затем продолжил отвечать совершенно спокойным тоном:

– Я круглый сирота. Моя невеста имеет только отца и брата, которых и близко нельзя назвать военными. Может, наши фамилии просто созвучны с другими?

– Может быть, может быть… – Хайтек тоже видел выступление императора, но, невзирая на свою отличную память, все еще не мог связать стоящих перед ним офицеров с теми самыми героями хаитанских событий. Но вот его взгляд зафиксировался на знаке ордена «Изумрудного Листка», и брови стали сходиться к переносице: – Майор, за что вам дали сразу два внеочередных офицерских звания?

Понимая, что замкомандира Дивизиона и так вот-вот вспомнит оглашенные императором фамилии и сопоставит с наградами и юностью, Танти не стал скрывать:

– Первое внеочередное звание мне дали за участие в событиях на Хаитане.

– А-а!.. – не удержался от восклицания куратор. Затем посмотрел на капитана Ланьо и опять повторил: – А-а!.. – после чего смешно развел руками, попытался добродушно улыбнуться, хотя получилась какая-то ужимка, и признался: – То-то я смотрю, вы какие-то не такие…

– Да нет, господин майор, – словно нерадивому ученику, стала выговаривать Клеопатра. – Мы самые что ни на есть такие. Вполне адекватные, вполне дисциплинированные офицеры. Только и стараемся жить по уставу.

Кажется, Хайтек мог много чего наговорить по поводу неуставных отношений, но развивать эту тему не стал. Видно, у него еще в голове не уложилось до конца, кто перед ним и как теперь с этой парочкой общаться. Невзирая на возникшую вдруг симпатию непосредственно к девушке, он ничего не мог придумать в продолжение разговора. Вдобавок еще в голову пришло озарение, что и вся остальная молодежь может оказаться выходцами из того самого

героического десятка космодесантников. Следовало немедленно просмотреть и изучить сопроводительные документы всей группы. А уже потом вырабатывать определенную линию поведения.

Он опять развел руками и дал милостивое разрешение:

– Ладно, располагайтесь, как вам удобно…

И вышел. Даже дверь вполне деликатно, но плотно за собой прикрыл. Чем тут же воспользовался Тантоитан, хватая свою любимую в объятия и заваливая на кровать. При этом он пытался поймать губами поцелуй и одновременно приговаривать:

– У-у! Как он меня достал! Тут нам в кои веки своя комната досталась, а он с нравоучениями решил влезть.

– Скажи мне спасибо, что я его на место сразу поставила.

– Спасибо, спасибо, спасибо…

Наконец их уста соединились, и некоторое время влюбленные с упоением предавались затяжным поцелуям. Но и тут их надолго в покое не оставили. Дверь содрогнулась от нескольких ударов кулака и голоса Гарольда:

– Эй, сладкая парочка! Вы идете с нами на поиски столовой? Или любовью сыты?

– Стенеси! Ты несносный и невоспитанный! – крикнула в сторону двери Клеопатра. – Стучать надо нежно и деликатно…

– Так мы остаемся? – обрадованно зашептал Танти.

– Еще чего! – сердито зашептала она в ответ. – Потом будешь кричать, что ты голоден как шуршон, и доставать меня поисками пищи. С тебя станется и меня загрызть! Поэтому… – Она повысила голос и опять крикнула в сторону двери: – Гарри! Подождите десять секунд, мы уже выходим! – Но заметив, что возлюбленный не хочет ее отпускать, добавила с угрозой: – Или мне перебираться с вещами к Лидии?

– Шантажистка! – Молодой майор вскочил, в два прыжка оказался возле двери и ворчливым голосом продолжил: – Долго тебя еще ждать?!

– Ах ты… – его любимая попыталась испепелить взглядом, одновременно оправляясь перед небольшим зеркалом и пряча под берет растрепавшиеся волосы. – Будешь вечером свои провинности замаливать…

– Каким способом?

– Узнаешь! Месть моя будет страшна! За мной!

Она первой выскочила в коридор, присматриваясь к остальным и с удовлетворением замечая, что тройка пилотов как-то вполне органично влилась в их компанию. По всей видимости, и Тантоитану это понравилось. Пока они шли к столовой, он рассмотрел, как Гарольд с Малышом о чем-то заговорщицки перешептываются, Николя ведет заумный диспут о современной технике с Арматой, и даже Алоис Полсат пытается что-то обсудить со старшим лейтенантом Лидией Шелди.

Остальные восемь женщин все еще оставались в своих комнатах. То ли в порядок себя приводили, то ли вообще могли ужин проигнорировать. Дальников тоже видно не было, хотя как раз они больше всего и беспокоили Клеопатру.

– Мне кажется, девять приятелей зло затаить на нас могли за побитого толстяка, – рассуждала она. – Вдобавок ты с Малышом их кошельки изрядно опустошил. Может, стоит с ними первыми пойти на контакт?

– С какой стати? – удивлялся Парадорский. – Никто их силой играть не заставлял, грубить тоже. Первыми дерзить стали.

– Не знаю, меня при этом не было. Но ты как самый старший по званию мог бы все устроить без мордобоя.

– Ох, Клео, ты иногда становишься хуже воспитательницы детского садика, – не стал скрывать своей досады Танти. – Порой только хорошая встряска с зуботычиной приводит мужчину в чувство.

– Не боишься, что и я возьму этот прием на вооружение?

– А справишься? – Он посмотрел на свою любимую таким глубоким взглядом, что та смутилась. При всей своей наглости и самонадеянности она понимала, что во время тренировок парень в нужный момент просто отходил назад, блокируя удары. Получалось весьма грозно со стороны, но совершенно безболезненно для отступающего. Скорей это самой Ланьо следовало беречь стопы ног и костяшки пальцев. Хоть сейчас она и продолжила топорщить перышки:

– Справлюсь! Тем более что у меня есть свои методы.

– Мы сейчас говорим о боевых единоборствах, а не о коварных ласках твоей второй хитрой ипостаси.

Столовая оказалась вполне приличная, если не сказать шикарная, вкус и качество блюд – на высоком уровне, количество и выбор вообще не регламентировались. Словно в хорошем отеле, каждый подходил на раздачу и брал себе, что и сколько хотел. Ну а во время еды офицеры стали присматриваться и к тем, кто тоже пришел на ужин.

Стажеры знали заранее, что на Кафедре заканчивает стажировку еще одна группа. Совместно с ними придется заниматься целую неделю. Но кто конкретно будет среди них, понятное дело, не ведали. Поэтому и присматривались, вдруг кто из знакомых покажется?

Из военных – никого. А вот среди гражданских специалистов и преподавателей Клеопатра сразу выделила одного пожилого мужчину. А если рассматривать с позиции двадцатилетнего возраста, то почти старика. Мужчина двигался с идеально прямой спиной, воинственно задирая вверх короткую шкиперскую бородку и сразу привлекая к себе внимание большими пытливыми глазами. Благородная седина на висках и бороде показывала, что ему не меньше шестидесяти.

– Боюсь ошибиться, но, кажется, это сам профессор Сартре! – девушка старалась говорить тихо, привлекая внимание только своего возлюбленного. – Точно! Вон у него левое ухо повреждено.

– Хм! А кто он такой?

– О! Это, пожалуй, самый великий гений нашей империи по изучению физиологии человека. А также ведущий программы по созданию искусственного интеллекта. Если кто и знает что-то больше его о нашем мозге, то таких людей в нашей Галактике можно пересчитать по пальцам одной руки. Надо с ним обязательно познакомиться.

Танти с нескрываемым удивлением взирал на подругу:

– С чего это ты взяла, что он нам нужен в кругу друзей?

– Сам увидишь и поймешь, лишь только один часик с ним пообщаешься.

– И откуда ты вообще про него узнала?

– Мне брат про него по краберу рассказывал. Описал внешность и даже примету не забыл: то самое слегка изуродованное левое ухо. Не знаю, как они познакомились, но он очень настаивал на знакомстве. Намекал, что Сартре сейчас находится на пути к каким-то величайшим открытиям и ему нужны крепкие добровольцы для первых испытаний.

– Ты о чем, Клео? – теперь Парадорский посматривал на свою девушку с подозрением. – О каких добровольцах может идти речь? Мало того, ты, никак, была уверена, что мы этого профессора здесь встретим?

– Конечно! И не делай такие круглые глаза, мне страшно становится. Еще ослепнешь! И говори потише, я не хочу, чтобы мой брат пострадал за разглашение государственной тайны.

– Ой, как все запущено!..

– Не паясничай, тебе не идет. Знакомство в любом случае состоится даже и без твоего участия. Я и в самом деле мечтаю немножко усилить внутреннюю моторику моих мышц, укрепить кости и по возможности усовершенствовать некоторые иные части своего тела.

– Шутишь? Или мечтаешь стать андроидом?

– И ты меня тогда разлюбишь?

– Естественно! Не хватало мне только жены, могущей меня удавить в объятиях.

– Не удавлю! Я буду сдерживаться, – честно пообещала капитан Ланьо. Чем еще больше рассердила ничего не понимающего майора.

– Заканчиваем беспредметный разговор. И я тебе запрещаю к этому профессору даже приближаться. Может, он и в самом деле в каких-то тайнах замечен, а мне потом вытягивай тебя из лап контрразведки!

Кажется, Клеопатра такого жесткого отпора не ожидала, потому что с нахмуренным видом умолкла и только после употребления десерта обиженно прошипела:

– Странный ты стал! Я ведь тебя больше ни о чем особенном не просила. Только и всего, что подойти к этому Сартре и познакомиться. Передать привет от моего брата и поговорить о погоде. Как все порядочные люди.

На этот раз Парадорский сделал вид, что заинтересовался неимоверно:

– Как?! Неужели ты решилась хоть в одном приоткрыть великую тайну своей семьи?! Неужели мне повезет услышать имя твоего родного брата? Да только ради этого я готов немедленно срываться с места и бежать знакомиться с этим стариканом! Хочешь?

Подозревая какую-то пакость со стороны любимого, девушка осторожно кивнула и тут же услышала условие:

– Пока не скажешь полное имя своего отца, никакого знакомства с таинственными профессорами!

– Так нечестно! Опять крикдал затеваешь? Мы ведь с тобой уже обо всем договорились.

– Ага! Причем не раз! И каждый раз ты нарушаешь данное слово. После первого курса ты сослалась на запрет. После окончания училища ты мотивировала невозможность знакомства с твоими родственниками их чрезмерной занятостью. А когда мы после поступления в ВСК собрались жениться, ты слезно меня умоляла поверить, что разрешение на брак мы получим только после поступления на службу в Дивизион. И вот мы уже в Дивизионе…

– Неправда! – перебила она. – Вот когда мы вернемся на Оилтон после Кафедры…

– У-у-у-у… – Танти завыл настолько громко, что даже сидящие за соседними столиками друзья оглянулись на парочку с ухмылками и сочувствующими взглядами. После чего пришлось перейти на сердитый шепот: – У тебя совесть есть?! Сколько можно меня обманывать и связывать невыполнимыми условиями?

– Но я ведь не обманываю, что тебя люблю. Ты об этом знаешь, и осталось выполнить всего одно условие: стать воинами Дивизиона. И потом мы сразу…

– Придумаешь новую отговорку? Знаю, проходили! Так что кроме имени брата ты мне еще и говоришь имя своего отца. Иначе никакого знакомства.

– С чего ты взял, что ты услышишь имя брата?

– Как?! Ты ведь собралась передавать этому профессору от брата привет?

– И передам, но не называя имени. Только определенный пароль. Так будет гораздо надежней. Все-таки тайна…

– Ага! Стало быть, тайна? Ну вот пусть она таковой и остается. Поела? Сыта? Значит, возвращаемся в нашу комнату.

Но Клеопатра вставать из-за стола не спешила. Складывалось впечатление, что ей хотелось если уж не с определенным человеком познакомиться, то хоть здание обойти и рассмотреть как следует:

– Как же местные достопримечательности?

– Еще успеют надоесть! – последовал вполне рассудительный ответ. – А вот свободного вечера у нас может долго не быть.

– Злой ты стал. Съеду я от тебя.

– Клео, кончай дурачиться, а то и в самом деле обижусь. Или все-таки решилась сказать имена?

– Танти, дорогой, ну не хочу я тебе врать. Поверь, мне самой жутко тошно, что приходится так себя вести, а если я еще своих близких назову чужими именами, это будет откровенным предательством по отношению к ним. Я так не могу…

Парадорский сочувственно вздохнул. Потом покивал головой, словно соглашаясь с внутренними рассуждениями, и коварно ухмыльнулся:

– Тогда тебе ничего больше не остается, как дисциплинированно вставать и идти за мной следом в нашу комнату. Причем обещаю: больно не будет. Тебе даже понравится. Не отставай! – встал первым и пошел, не оглядываясь, к выходу из столовой.

– Вымогатель, – донеслось ему вслед. Тем не менее молодая капитан безропотно встала и двинулась следом. Правда, при этом почти никто не заметил, как она состроила гримасу в сторону внимательно на нее взглянувшего профессора. Вроде как пожаловалась. И в ответ получила успокоительный кивок. Мол, все утрясется.

По крайней мере, такое сложилось мнение у замерших во время своей беседы Гарольда и Малыша. Причем пилот первым толкнул десантника в бок:

– Мне показалось, или они и в самом деле обменялись условными знаками?

– Показалось, – буркнул Гарольд, прищуриваясь. – Показалось и тут же навсегда забылось.

– Ну ладно, я уже и не помню, о чем речь шла, – улыбнулся Малыш. – Ну а ты тоже склерозом страдаешь?

– Я – нет. И принял во внимание. По ходу постараюсь разобраться в этих непонятках.

– Может, тебе помочь?

– В каком смысле? – Гарри стал хмуриться после такой настойчивости нового товарища.

– Да просто постараюсь узнать про этого старикана: кто он такой, чего здесь делает. А то и познакомиться, словно невзначай. Вдруг он всего лишь старый учитель Клеопатры?

Капитан Стенеси немного задумался, а потом согласно кивнул:

– Попробуй. В любом случае хуже не станет.

Заместитель командира Дивизиона по комплектации майор Хайтек чувствовал себя крайне озабоченным. После внимательного изучения личных дел вновь прибывших он чуть за голову не схватился: сразу восемь всемирно известных героев в одной группе! И как раз в тот момент, когда именно Хайтек прибыл на Нирвану в должности куратора группы. Создавалось впечатление, что это кто-то из недругов в штабе или императорского окружения подложил Хайтеку натуральную свинью. Попробуй, поработай с такой знаменитой молодежью, да еще имеющей такие же воинские звания! И то еще майор Парадорский казался вполне адекватным и толерантным. А вот что делать с этой Ланьо? Да и остальные наверняка не сахар.

Но больше всего обеспокоенности принесла сопроводительная записка, оформленная в виде директивной депеши непосредственно куратору группы от самого маркиза Винселио Грока. Можно сказать, третьего человека после правящего императора в иерархии влияния во всей Оилтонской империи. Ведь не секрет, что семидесятишестилетнего маркиза сам Павел Ремминг считает чуть ли не членом семьи и на семейных советах слово Винселио Грока часто имеет решающее значение.

И вот в депеше маркиз выдал некое двоякое распоряжение. С одной стороны, он настаивал на том, чтобы молодым героям ни в чем не делали поблажек, но с другой стороны, несколько противоречиво приказывал бдеть за стажерами как за детьми родными. Особенно опекать и ограждать от неприятностей девушек. Так как они, дескать, будущие матери, слабый пол, светлое будущее родного государства и вообще красавицы в любом смысле этого слова. И если хоть волосок упадет с их головы, то и голова самого куратора может закатиться куда-нибудь очень далеко на периферию. А о своей карьере в Дивизионе он тогда сразу может забыть, как о детском сне.

Такие вот пироги с мармеладом! И думай, как тут выкрутиться: вроде и гонять героев надо как последних салаг, но и соломку стелить во всех местах, где те споткнуться могут. Абсурдней ситуации в жизни Минри Хайтека еще не встречалось.

Мало того, к этому всему еще и примешивалось странное чувство совершенно личного свойства. Еще только заметив Клеопатру Ланьо после выгрузки из транспорта, Хайтек сразу прикипел к ней взглядом, да так и не смог потом оторваться. В этом случае наслоилось сразу несколько личностных эмоций, в которых достаточно опытный воин пытался разобраться. Ну, во-первых, молодая леди-капитан обладала всеми признаками идеальной женщины. Именно о такой Минри всегда мечтал, именно такую разыскивал, именно такой был готов при первой же встрече предложить руку и сердце. Причем желание иметь именно такую спутницу жизни только многократно усилилось после жесткой отповеди при личном общении во время расселения стажеров.

Во-вторых, Хайтек интуитивно чувствовал, что когда-то уже видел Клеопатру. Видел, любил и даже обожествлял. Так сказать, любовное дежавю. Если бы верил в повторное возрождение душ, то сейчас бы с уверенностью заявлял, что любил, обожал и лелеял Клеопатру в своей прежней жизни.

Ну и, в-третьих, впервые в своей жизни ветеран тридцати двух лет от роду испытал такое неприятное чувство, как ревность. Причем ревность жуткую, почти непереносимую, весьма слабо контролируемую. И это было страшней всего. Вся его уверенность улетучилась, самообладание испарилось, когда он понял, что Клеопатра не просто находится в состоянии некоего флирта с молодым героем-майором, а и в самом деле ведет себя с ним как законная и любимая супруга. Причем еще и любящая. То есть шансов на какое-то сближение с ней в будущем у офицера-ветерана не было. Вернее, почти не было.

Ведь чего только в жизни не случается, в том числе и трагического. Порой даже прославленные герои гибнут…

Хотя перипетии воинской карьеры что Парадорского с Ланьо, что их друзей поражали в любом случае. Судя по секретности сопроводительных документов, знать все биографические детали было дозволено только одному человеку на планете Нирвана, а именно Минри Хайтеку. И по ним выходило, что первый подвиг Тантоитан совершил еще в интернате, за что его не наградили, а только сделали амнистию за иной обман: подлог документов и неслыханное изменение даты своего рождения. То есть в данный момент хвату-майору было не двадцать два официальных года, как большинству его друзей, а только двадцать один. А в голове ветерана, только к тридцати двум годам получившего аналогичное звание, такой карьерный рост выглядел абсурдным. Судя по историческим ссылкам, подобного взлета не было даже у наследных принцев Оилтонской империи. Но вчитываясь в перечень свершений этого парня, становилось ясно: все внеочередные звания, все награды заслужены и получены справедливо.

Так что было бы наивно надеяться, что такой удалец где-нибудь споткнется и сам сломает себе голову. А послать парня в места, где его ждала стопроцентная гибель, Хайтеку не позволила бы его воинская совесть. Пусть бы он даже погибал от неразделенной любви к Клеопатре, пойти на служебное преступление он бы не смог при всей потере самоконтроля. Без вариантов. Да еще вдобавок эта депеша от Винселио Грока. В ней непосредственная ответственность именно куратора группы указывалась однозначно.

И как тут быть? Идеал любимой женщины впервые появился в пределах досягаемости, но от этого стал еще более химеричен и недосягаем.

Теперь следовало только выполнять свой долг и просто ждать.

Уже отправляясь в обход перед самым отбоем, майор Хайтек вспомнил и еще об одном нюансе отношений между близкими людьми. Ведь, по статистике, не менее шестидесяти процентов супружеских пар расходятся. Причем треть разводов этой группы приходится на период шестого года совместной жизни, а еще четверть – на девятый год.

«Если уж на то пошло, то я готов и три года подождать! – появилась первая оптимистическая мысль в голове Минри. – Это – раз! Ну и два, как

непосредственный начальник я всегда могу подсказать, подтолкнуть девушку в нужном направлении. Раскрыть ей в нужный момент глаза на плохое поведение… Ведь даже у героев бывает частенько не совсем геройское поведение. Хм! И ведь они так молоды!»

Вот с этими мыслями заместитель командира Дивизиона и наткнулся в зале для общего отдыха на странную парочку: благообразный профессор Сартре весьма оживленно дискутировал с одним из вновь прибывших стажеров. Причем этот офицер тоже числился среди героев, пусть и с иной стороны, и требовал к себе несколько странного обращения: «Малыш» – даже от старших командиров.

«Ха! Одни выскочки и оригиналы! Но, кажется, этого Малыша следует первого проверить на болтливость. Наверняка он уже что-то выведал о своих новых товарищах. Вон как умеет общий язык с людьми находить. Даже с этим таинственным профессором успел отыскать общие темы для разговоров…»

Глава 7

3594 г., середина осени, Нирвана

Профессор Сартре тоже оказался для командования Кафедры Интеллектуальной Стажировки, да и для самого куратора, словно кость в горле. Казалось бы, совершенно никому не известный человек, сугубо гражданский и весьма далекий от воинской службы на планете Нирвана совершенно не нужен. Нет, конечно же, на Кафедре преподавали и люди с чисто гражданскими специальностями, ведь любой воин Дивизиона приравнивался к выпускникам сразу двух высших учебных заведений. Но те люди хоть находились среди военных давно, притерлись, освоились и некоторые даже имели за плечами при определенной выслуге лет довольно высокие воинские звания. А вот кто такой профессор Сартре – никто не знал. Хотя общее мнение о нем было противоречивым, неоднозначным: «Какой-то уникальный гений по секретным разработкам в области физиологии. Сам император для реализации его проектов, изысканий и экспериментов дал зеленый свет!»

А чтобы у декана и куратора не возникло каких-либо недоразумений по поводу полномочий уникального ученого, все от того же вездесущего Винселио Грока

пришла еще одна депеша. И там черным по белому маркиз указывал, что «следует оказывать любую помощь и максимальное содействие профессору Сартре во всех его деяниях и начинаниях».

То есть он сразу как бы становился по должности выше и ректора Кафедры, и военного куратора, а те переходили в его временное подчинение. Нонсенс, казус и парадокс в одном флаконе!

К счастью, прибывший три дня назад профессор только и удосужился изначально, что представиться ректору, куратору да нескольким коллегам. А все остальное время проводил в выделенной для него лаборатории. Ни с кем не общался, ни с кем не разговаривал и только настоятельно попросил его не беспокоить. То есть хлопот он вроде не создавал, но ведь какого дьявола, спрашивается, он тогда на Нирвану приперся? Еще и без всяких объяснений?

И вот теперь он сидит в удобном, огромном, но тем не менее очень уютном зале отдыха и запросто, можно сказать панибратски, беседует с Малышом! К чему бы это?

И о чем они могут вот так по-родственному беседовать?

«Может, и в самом деле родственники? – мелькнула догадка в мыслях Хайтека. – Или давно знакомы?» – И, подойдя ближе, он не нашел ничего лучшего, как спросить:

– Никак, вы старые друзья?

– Нет, – с честными глазами повернулся к нему Малыш. – Только что познакомились.

– А не поздно ли для посиделок, господин капитан? – перешел куратор на командный тон. – Завтра вам предстоит весьма тяжелый день.

– Мне не привыкать, господин майор, – последовал не совсем уважительный ответ. Но только Хайтек попытался надавить своими полномочиями, как раздраженным скрипучим голосом отозвался Сартре:

– Мы здесь по делу. И если понадобится, я освобожу завтра капитана от любых занятий или прочей муштры.

Еще и жест при этом сделал этакий нетерпеливый ладошкой. Мол, не мешай и сваливай отсюда. То есть научный гений нисколько не забыл, кто здесь главный, деликатничать не собирался и был готов сразу указать куратору на его место. Поэтому майору ничего больше не оставалось, как подавить свой гнев и, не роняя достоинства, оставить за собой хотя бы последнее слово:

– Тогда вся ответственность за усвоение учебной программы ложится на вас, господин профессор. График довольно жесткий и внеплановых выходных не предусматривает.

Он развернулся и двинулся дальше по залу, стараясь не реагировать на донесшееся ему в спину бормотание Сартре:

– Хорошо, хорошо, мы тут сами разберемся… – и уже почти заглушенные расстоянием слова, обращенные к Малышу при возобновившемся разговоре: – Но откуда у тебя уверенность, что Танти может победить такого воина, как Гарольд? Все-таки там даже весовые категории не…

Дураком куратор не был. Поэтому сразу сложил два и два: легко догадаться, что уникальный ученый находится на Нирване только в связи с присутствием здесь молодых героев. Наверняка собирается провести какие-то особые исследования, написать по их результатам эпохальную статью, а то и совершить громкое научное открытие. Естественно, что в таком случае и премия не задержится. Если уж не галактическая, то имперская – вполне реально. Подобных ученых Хайтек на своем веку повидать успел: как правило, те стремились отыскать какого-нибудь мутанта с патологическими изменениями в организме, исследовать эти изменения, а потом и воспроизвести искусственным путем на других добровольцах. Так что последующие действия профессора Сартре предсказать было нетрудно, раз он так заинтересовался юным носителем ордена «Изумрудный Листок». А то и всем составом отважных космодесантников, так отличившихся на Хаитане. Недаром они прибыли сюда почти полным составом.

Делая обход по жилой части Кафедры, куратор от Дивизиона непроизвольно и несколько злорадно улыбнулся. Уж он-то знал, что могут вытворять

зацикленные на своих идеях ученые с подопытным материалом. И отныне ни Тантоитану Парадорскому, ни его друзьям не завидовал. В любом случае для них начнутся невероятно тяжкие дни. И при этом никто из командования не имеет права давать им поблажек в прохождении непосредственной стажировки. А если кто из молодых офицеров не справится или не уложится в заданные нормы и параметры программ, то будет безжалостно вычеркнут из окончательного списка входящих в состав Дивизиона. Вычеркнут и отправлен для прохождения дальнейшей службы к черту на кулички, невзирая на все прежние заслуги, награды и звания. А при этом можно постараться устроить так, чтобы та же, к примеру, Клеопатра Ланьо отбор прошла, экзамен сдала и отправилась на почетное место службы в Дивизион. Пусть даже вместе со своей подругой Лидией Шелди. А там увидим. В жизни по-всякому бывает: сегодня женщина считает себя невестой одного мужчины, а уже через неделю все свое внимание и ласку отдает другому. Образцов подобного непостоянства – хоть отбавляй.

От таких оптимистических мыслей майор Хайтек вновь вернулся в нормальное настроение и завершил обход по коридорам и общим кают-компаниям с вполне мирным, можно сказать отеческим, выражением на лице. Никого не ругал за праздное шатание или поздние посиделки, ни перед кем не выделывался своим старшинством по должности или званию. Потому что вполне справедливо полагал, что на всех нерасторопных или недисциплинированных офицерах с лихвой отыграется завтра с самого утра. Вернее, даже не он лично, а боевые инструктора-преподаватели.

Только и старался запомнить в лицо тех, кто еще не спал, громко разговаривал или бродил по коридорам.

Разве что одного встречного стажера не удержался – остановил и попытался разговорить:

– Кажется, старший лейтенант Алоис Полсат?

– Так точно, господин майор.

– Вольно, вольно, мы сейчас не на занятиях. Просто хотел поинтересоваться мнением, как вообще здание, нравится?

– О! Замечательно! Я даже не ожидал, что здесь окажется настолько стильно, современно и уникально по внутреннему оформлению.

– Ну а что показалось наиболее интересным?

– Информаторий. Там такие базы данных и возможности для их обработки! – не скрывал своих эмоций чернокожий пилот. – Я в восторге!

– Да, мне тоже информаторий пришелся по вкусу, – закивал головой Хайтек. – Прямо истинное удовольствие для аналитика или составителя прогнозируемых явлений. Тебе тоже нравится аналитическая работа?

– Конечно. Люблю собирать разрозненные сведения и создавать из них цельную картинку.

– Какое совпадение! – не совсем искренне улыбался куратор. – Мне тут как раз кое-какой информации не хватает. Так что подскажи, будь добр, какая существовала причина для драки на доставившем вас сюда транспорте?

Вид у Алоиса сразу стал отмороженным:

– Не пойму, о чем речь…

– Я о том инциденте, который произошел с безразмерным толстяком-дальником.

– А что, разве он не с трапа упал? – уже совсем иным тоном спросил старший лейтенант. Из чего стало понятно, что правды от него не дождаться.

– Зря простаком притворяешься, – нахмурился Хайтек со всей доступной ему строгостью. – Как военный куратор имею право заглянуть в протокол. Завтра утром мне передадут с транспорта полную запись событий в кубрике, и я все равно отыщу виноватых.

И опять чернокожий пилот показал, что может смело выступать на подмостках любого театра. Потому что искренне испугался, приложил руку к сердцу и чистосердечно пробормотал:

– Честное слово, я безразмерного коллегу не бил!

– В этом я не сомневался, – презрительным взглядом майор прошелся по сравнительно тщедушной фигурке негра. – Зато уверен, что неприятностей отныне у тебя будет – только успевай отскакивать. Думаю, с твоей субтильностью будет трудно завершить стажировку на Кафедре и остаться в группе кандидатов. Обязательно попадешь в обычные тридцать процентов отсева.

Алоис на это довольно потешно скривился, показывая полное недоумение:

– А что я еще успел натворить плохого?

– В данный момент ты пытаешься уйти от прямых ответов на вопросы твоего непосредственного начальства. В Дивизионе такие не нужны. Ну, разве что ты одумаешься…

– Да я уже одумался, – с готовностью затараторил старший лейтенант. – Поэтому готов к сотрудничеству и… всему остальному. И как только вы мне покажете запись всего инцидента, я сразу же постараюсь назвать по именам всех тех, кого опознаю среди коллег.

И глаза такие честные-честные, что и не понять: издевается или и впрямь дурак? А может, и действительно не в курсе драки? Или что там произошло на самом деле?

Как бы там ни было, но давить на стажера дальше смысла не было. Поэтому куратор зловещим тоном пожелал строптивому негру спокойной ночи, развернулся и отправился в свою комнату. Поэтому не мог заметить ехидной улыбки, брошенной ему вслед. Уж такой дока в поиске информации, как Алоис Полсат, прекрасно знал, в каких случаях с транспорта могли выдать ведущиеся там круглосуточно записи. Война, крушение или личное письменное разрешение командующего данным сектором Оилтонской империи. В таких случаях даже требования губернаторов планет, а то и всей системы оставались безответными, чего уж там говорить о каком-то майоре? Пусть даже он заместитель командира всемирно известного Дивизиона!

Но вот сама попытка давления на него старшему лейтенанту очень не понравилась. Поэтому, вернувшись в комнату, которую он делил с Николя, Алоис без стеснения вырвал своего товарища из полудремы:

– Не по нутру мне этот куратор. Только что пытался меня завербовать как внештатного стукача. А? Каков жук!

Николя проявил интерес только после продолжительного зевка:

– Чего хотел конкретно?

– Узнать, зачем я поколотил Безразмерного.

– Ха-ха! Так сказал бы правду: решил забрать у него обеденную порцию, так как самому не хватило. А тот начал возражать… Ну и…

Задумавшийся негр не обратил внимания на подначку товарища.

– А если сами дальники расколются? Как бы кое-кому на орехи не досталось.

– Не переживай. Дальникам нет никакого смысла признаваться в вине своего товарища. Иначе того и в самом деле попрут с Кафедры, если дело дойдет до служебного следствия. Да и толстяк свою промашку наверняка осознал и будет теперь тише воды ниже травы.

– Вдруг не осознал? Вдруг исподтишка отомстить захочет?

– А мы для чего? – хмыкнул Николя после повторного зевка. – Прикроем ребят, присмотрим за кем надо… И вообще, чего тебе неймется? Дай спокойно выспаться! Наверняка этот куратор ни свет ни заря завтра на ноги вскочит да за нас примется со всеми остальными инструкторами. Я тут со старожилами переговорил, так тех с первого дня на полосу препятствий погнали.

– Ну, это мне не страшно. – Алоис уже быстро разделся и со смешком юркнул под одеяло. – Хотя этот Хайтек меня чуть ли не в глаза задохликом обозвал.

– Хочу посмотреть на его рожу, – веселился Николя. – Он просто диву дастся, когда увидит твой спринтерский рывок.

– Ну, для меня и на длинных дистанциях равных не будет, – хвастливо заявил негр, протягивая руку к выключателю над изголовьем своей кровати. – Спокойной ночи, старина!

– И тебе пусть много каши с большими кусками мяса приснится!

Глава 8

3594 г., середина осени, Нирвана

Первое утро на Нирване и в самом деле началось со всеобщего подъема и оглашения по внутренней связи, что обе группы стажеров должны бегом построиться на наружной площадке перед зданием Кафедры для разминочной пробежки. Или, иначе говоря, обязательной утренней зарядки. Причем в коридорах уже стояли строгие наблюдатели и с секундомерами в руках пытались засечь наиболее неповоротливых. Уже все на площадке построились, уже и направо поворот сделали, готовясь начать бег, когда по анфиладе ступенек главного входа спустился жутко разозленный майор Хайтек и отдал команду:

– Новичкам: кру-у-гом! В левое крыло первого подвального уровня в распоряжение профессора Сартре бего-о-ом, марш! Остальным: действовать по распорядку!

И не оглядываясь, поспешил в здание. Старожилы несколько завистливо посмотрели вслед своим новым коллегам-сменщикам, а потом помчались под командой инструктора наматывать два дежурных круга утренней разминки вокруг складских ангаров. Как они сами признались вчера новичкам при знакомстве, в эти совместные шесть дней тренировок уже прошедшие стажировку коллеги всеми силами вначале стараются показать собственное физическое превосходство именно на утренних разминках, а уже потом на полосе препятствий. Вот и им очень хотелось. А тут в самый первый день такой

пассаж. Новички по вине какого-то профессора куда-то сбежали и теперь отлынивают от негласного соревнования.

Хотя сбежали тридцать офицеров недалеко. Сразу же в широком подвальном коридоре их всех заставили улечься на госпитальные кровати, закатать рукава и брюки на лодыжках, а мужчинам вдобавок еще и предплечья оголить. После чего профессор, которому помогали пять местных лаборантов, стал обходить всех без исключения офицеров, закрепляя на их запястьях узкие браслеты, на лодыжках браслеты втрое шире, а на шее и предплечьях – некое подобие прозрачных, моментально прилипающих к телу кусочков пластика. При этом руководитель всей программы довольно громко давал пояснения и инструктировал, как и чем пользоваться. Вернее, не пользоваться, а стараться с себя ничего не потерять из научного баснословно дорогого оборудования.

– Отныне все ваши физические и даже умственные усилия будут фиксироваться и накапливаться в одной очень умной аналитической машине. Ваша задача: не обращать на приборы лишнего внимания, вести себя как обычно и практически ни в чем себе не отказывать. Ваша личная жизнь и свободное время вместе со сном фиксироваться не будут. Только рабочий режим тренировок и занятий. Естественно, следует пресекать в себе любые попытки повреждения приборов, ковыряния их ножом или прочей преднамеренной порчи. Купаться и даже нырять на большую глубину – можете смело. Температурный режим тоже довольно широк, ну разве что вредны запредельные температуры, точно такие же, как и для организма. То есть в кипяток не прыгать и в лед не вмораживаться.

Проходя мимо Клеопатры, профессор ничем не показал, что они хоть как-то знакомы. На Тантоитана тоже вроде никакого внимания не обратил. Зато возле Безразмерного в удивлении замер:

– А с вами что, голубчик, приключилось?

– Да ничего страшного…

– Может, вас в «омолодитель» на денек уложить? Тут имеется.

– Что вы, что вы! Не стоит беспокоиться, – шепелявил толстяк. – И так заживет.

– А зубки?

– Еще вчера договорился с дантистом Кафедры. Обещал за неделю новые приживить, – убеждал пострадавший.

– Ну ладно, как знаете. Мне тоже интересно будет сравнить ваши результаты с остальными… Итак, дамы и господа! – Сартре остановился в конце коридора и обратился ко всем: – По приказу вашего командования вы на неопределенное время переходите в мое почти полное распоряжение. Вернее, переходят ваши тела, по наблюдениям за которыми и будут составлены соответствующие рекомендации для усиления физических нагрузок для стажеров данной кафедры и иных подобных воинских учреждений. Если что-то будет на теле мешать или вызывать раздражение – немедленно обращаться ко мне. Можно даже среди ночи. Так… еще минут пять постарайтесь лежать неподвижно… Желательно громко не говорить, а уж тем более не кричать…

Ближе всего к нему оказался Гарольд, который чуть ли не шепотом не преминул поинтересоваться:

– Если мы крикнем, присоски испугаются и сбегут?

– Зря смеетесь, молодой человек, – профессор склонился над воином с каким-то прибором, проверяя, как ведут себя странные пластиковые нашлепки. – И называйте их для удобства пеленгами. Пеленги ведь и в самом деле почти живые. Даже имеют некоторые зачатки искусственного интеллекта. И им необходимо время для приживления…

После таких объяснений возмутился все слышавший Граци:

– Не хватало, чтобы они приросли к нам навечно! Потом завладели бы нашим телом, мозгом…

– Было бы чем владеть! – строго оборвал его профессор. Посматривая на часы, обошел еще нескольких офицеров, довольно крякнул и разрешил: – Теперь можете смело бежать на завтрак. Но! Как только имя кого-либо прозвучит по внутреннему коммуникатору, немедленно мчаться сюда.

– А если идут занятия? – стал уточнять Гарольд.

– В любом случае! Все ваши преподаватели и инструкторы предупреждены. Всего хорошего!

По пути в свои комнаты, во время умывания и во время завтрака только и было что разговоров про странные эксперименты никому не известного гения. Ощупывали браслеты, рассматривали друг у друга почти приросшие к коже пеленги. Прислушивались к своим ощущениям и шутили на эту тему.

– Кажется, мне браслеты силенки прибавили, как минимум, втрое, – уверенно и с серьезной рожей заявлял Армата. – Пойду сегодня вечером и поколочу Гарольда.

В тон ему отзывался Граци:

– Давно пора наказать твое зазнайство. Если у тебя силы утроились, то у Гарри наверняка удесятерились. Чихнет нечаянно в твою сторону и…

– …Прощай огурчик! – хором подхватили остальные друзья, словами шуточной песни оплакивая долю лучшего в отделении специалиста по самому сложному и современному вооружению.

На что Армата без всякой обиды дал пояснения:

– Так ведь колотить Гарольда я буду издалека, из тяжелого миномета.

Под смех друзей капитан Стенеси снисходительно скривился:

– Минометы любишь? Вот только погоди до первых учений, где мне доверят распределение оружия. Устрою так, что будешь даже спать с ним. А уж бегать – никто тебя не остановит.

Тогда как чуть в стороне Парадорский проводил интенсивный допрос своей любимой:

– Почему Сартре делает вид, что тебя не знает?

– Так я ведь тебе говорила, что он обо мне ни слухом ни духом. Надо вначале ему привет от брата передать, потом и пароль сказать…

– Ой! Брось эти шпионские игры! Я знаю, что ты с ним знакома лично, и жду от тебя немедленных объяснений.

– Почему знакома? С чего ты взял? – пыталась вывернуться заметно растерявшаяся Клеопатра и не нашла ничего лучшего, как самой перейти в наступление: – И чего это ты на меня набросился? Вдруг профессор и в самом деле меня когда-то в детстве видел возле брата. Может, и сейчас узнал, все-таки моя фотография у родственников имеется.

– Ты мне зубы не заговаривай. Лучше сразу признавайся: чего это ты с ним вчера перемигивалась и знаками обменивалась?

Девушка умильно нахмурилась, интенсивно пытаясь припомнить, когда, где и кто мог заметить ее переглядывания с Сартре. Получалось, только в конце ужина, а кто – уже и неважно. Но отговорка на этот случай отыскалась сразу:

– Да я ведь так сильно хотела с ним просто переговорить, узнать о брате, вот и смотрела слишком пристально. Когда уходили, хотела хоть издалека поздороваться и на себя внимание обратить. Вот профессор вроде как и кивнул мне в ответ спонтанно… Да и вообще, чего это ты меня так пытаешь? Если хочешь что-то узнать, идем к этому ученому немедленно и все выясним на месте. А то ведешь себя, как… как… как Рома Бровер!

Их старый и верный друг уже давно обретался где-то в далеких вражеских тылах вместе со своей супругой. Его все-таки забрали чуть больше четырех лет назад в разведку, переквалифицировали в специальной школе на шпиона и закинули в неизвестно какую систему неизвестно какой державы. Что Романа, что Магдалены порой в компании сильно не хватало, но те сами выбрали свою судьбу, став бойцами «невидимого фронта». А секретность их миссии не позволяла даже приблизительно догадываться, в какой части галактики парочка находится. Разве только один раз одно из самых высокопоставленных лиц Оилтонской империи заявило: от усилий и умений супружеской пары Броверов зависит очень многое.

Спрашивать что-то больше никто не осмелился, но зато в своей среде друзья частенько употребляли сравнительные характеристики, подходящие синонимы, связанные с именем Романа или его фамилией. Особенно если речь заходила о шпиономании или излишней подозрительности. Так и говорили: «Оглядывается, как Рома». Или: «Тебе только с Бровером работать!»

Но еще воспоминания о старом друге всегда вызывали у Тантоитана ностальгический вздох, чем Клеопатра бессовестно пользовалась. Вот и сейчас он скривился, но дальше копать под профессора не стал:

– Просто не люблю, когда ты шокируешь меня своими тайнами.

– Ну, так ведь… – кокетливо пожала плечиками Клео, – женщина всегда должна оставаться загадкой для мужчины.

– Ха! Тебе напомнить последствия подобных загадок? – ощерился Танти весьма угрожающе. – Например: что сделал Отелло с Дездемоной. А было бы в их отношениях все открыто и без недомолвок – жила бы дама горя не зная.

– Фи! Нашел с чем сравнивать. Жестокий, страшно ревнивый мавр, который собственных мозгов не имел, а жил по чужим наущениям. Ты ведь у меня не такой.

– В смысле мозгов или жестокости – не такой?

– Во всем. – Клеопатра, уже закончившая свой завтрак, стала подниматься из-за стола. – Даже не ревнуешь никогда.

– Ого! – поспешил за ней и Танти, на ходу склоняясь к розовому ушку. – А что, есть повод? И моей принцессе хочется стать Дездемоной?

– Это еще кто кого задушит! – пригрозила девушка, оборачиваясь по сторонам и осудительно добавляя: – И чего ты так кричишь? Мы ведь договорились называть друг друга принцессой и рыцарем только наедине. Это ведь только наше, сугубо личное обращение.

– Да? – Они покинули столовую одними из первых и спешили в свою комнату, чтобы взять нужные для первого занятия тетрадки-регистраторы. – И что тут такого личного? Все ребята и так знают, что ты моя принцесса, а я твой рыцарь. Или все-таки хочешь сменить…

– Нет! Да и тебе имя Отелло совсем не идет. Ха! Алоису, кстати, тоже, – неожиданно вспомнила она об их новом чернокожем приятеле. – Слишком неброско он смотрится, не правда ли?

– Точно. Вот кому с Бровером работать в паре…

Вскоре уже все тридцать офицеров сидели на первом, так сказать ознакомительном, занятии. Чуть сбоку, за их спинами разместился и куратор, майор Хайтек. Занятие вел один из преподавателей, работающий здесь с первого дня основания Кафедры. Он довольно подробно и красочно стал описывать как саму Нирвану, найденную шестьсот лет назад, так и все чудеса, творящиеся у нее внутри и на поверхности. Причем многие нынешние тайны оказались не для широкой огласки, и даже в самой Оилтонской империи о ней простые обыватели ничего интересного не знали. А ведь, как показалось одно время, эта планета по своей уникальности могла удивить, увлечь, заманить любого исследователя. Не Хаитан, конечно, но и далеко не рядовая планета. И это при том, что почти вся поверхность занята двумя противоположными по температурам пустынями: ледовой и песчаной.

Полезных ископаемых на Нирване не было. Совсем. Залежи руд отсутствовали. Ни угля, ни нефти. Даже отложений соли было не сыскать. Да что там соли, нормального песка, годного для производства чистого стекла, и то не было. И это – невзирая на громадную пустыню, опоясавшую по экватору всю планету. Естественно, что долгое время здесь некому было не то что прогрессорством заниматься, а вообще поинтересоваться жизнью отсталых чернокожих аборигенов. Те жили в деревнях внутри узких полосок джунглей и прочих лесов, вели собирательский образ жизни, и даже палку в руку как оружие никогда не брали. Потому что врагов как таковых в природе у них не было. По крайней мере, вокруг; а сами искать хищников или их выращивать негры никогда и не стремились. О том, как чернокожие обитатели появились в этом тихом раю, частенько из-за ураганов превращающемся в ад, догадаться было невозможно. Исследователи, археологи и спелеологи только руками разводили и пожимали плечами: загадка природы, не иначе. И Нирвану оставили в покое. Даже уникальные катакомбы и многочисленные лабиринты в толще льда,

проложенные там агрессивными и хищными орашами, не удостоились скрупулезного изучения. Ну, живут себе эти ораши, напоминающие кротов во льдах, ну объедают обильно растущий в лабиринтах мох, а толку? Мясо – несъедобное, шкура – невероятно вонючая даже после обработок ультрасовременными химическими средствами. Приручать орашей или подвергать должной селекции – тоже бессмысленно.

Решили: от планеты пользы – никакой. Ни моральной, ни стратегической, ни экономической. О флоре и фауне вообще речи не идет.

Все резко изменилось лет пятьсот назад. Кто-то из ученых-энтузиастов, прожив здесь лет тридцать, совершенно неожиданно выяснил, что аборигены умело скрывают свой истинный возраст. По общему годовому исчислению, сравниваемому с используемым на планете Земля, негры преспокойно себе доживали до возраста в сто пятьдесят лет! И это при скудном питании, частых ураганах, резких сменах температуры и полудиком, без всякого намека на медицину существовании.

Да плюс ко всему тот самый ученый выдвинул особую теорию, которую почти неопровержимо доказал в своих работах: долгожительству способствует местное магнитное поле.

Ох, что после этого на Нирване началось! Истинное паломничество всех престарелых, немощных, желающих жить долго, тихо и счастливо. А их сопровождали потоки санитаров, аферистов, строителей и мануальных терапевтов. В течение добрых пяти десятков лет на планете интенсивно бурились скважины, устраивались подледные, подземные и зависшие в атмосфере жилища. Строились дороги, коммуникации и необходимые для производства продуктов комплексы. Возвели внушительные города так называемой развлекательной индустрии: казино, кинотеатры, спортивные площадки любого колера и вкуса. Безжалостно уполовинили, а то и вообще чуть не извели популяцию единственных крупных животных планеты, обитающих во льдах, – ледовых кротов. По этой причине ораши сбежали на большие глубины, и какое-то время казалось, что они вообще полностью истреблены. Ну а те животные, которые обитали в зонах, граничащих с пустыней, своим спасением были обязаны чернокожим аборигенам.

Хорошо хоть самих аборигенов несильно притесняли, и тем удалось сохранить как свою численность, так и свои скромные деревни.

Ну а потом наступило жесткое похмелье. Никто из паломников долгожителем не стал, здоровье свое не поправил, и уж тем более не омолодился. Да вдобавок ко всему в бумагах умершего ученого, который затеял всю эту бучу, обнаружилась куча неувязок и притянутых за уши подтасовок. То есть еще и теоретически было доказано: Нирвана ничего не дает в плане долгожительства. Да, негры жили до ста пятидесяти. Но очень немногие, можно сказать, единицы. Да и то следовало родиться здесь, питаться только местными разновидностями бананов и пить только талую воду ледников. И кто такое выдержит? Смешно подобные вопросы задавать…

Забросили планету в сто раз быстрей, чем освоили. Не прошло и десяти лет, как в городах не осталось обитателей, комплексы перестали работать, и даже летающие поселки были безжалостно опущены на поверхность. А некоторые так сами рухнули там, где им понравилось. Итог: красивая планета превратилась в свалку, оставшуюся после сбежавшей цивилизации.

Лишь кое-где теплились разрозненные очажки технического бытия да доживали свой век особенно настырные пенсионеры. Причем некоторым из них просто и возвращаться было некуда. Шли века, последние редкие поселенцы сменялись иными, не менее жалкими, личностями, кое-где продолжали существовать «хутора», которые то умирали, то вновь оживали, но в любом случае, по последним переписям и просмотрам автоматическими зондами, насчитывалось не более одного миллиона поселенцев. Планета огромная, а жить на ней никто не хотел, и вся бесконтрольно брошенная частная собственность, хоть и имела своих законных владельцев, находилась в коллективном пользовании любого желающего.

Что самое интересное, сами аборигены из этой невероятной по объему технической свалки не взяли для своих нужд ни единого винтика, ни единого куска стальной арматуры или так любимого всеми дикарями пластика. Так и продолжали жить по своим устоявшимся обычаям, словно пришельцев никогда не существовало. Завидная философия, вызывающая уважение. Потому, наверное, и жили долго, что отказывались от благ цивилизации.

В итоге единственной самой большой на данное время тайной на Нирване оставалось наличие Кафедры Интеллектуальной Подготовки будущей воинской элиты Оилтонской империи – бойцов Дивизиона. Да и то под официальным прикрытием какого-то гражданского института с зубодробительным названием.

Несколько скучное место, но что офицерам надо для должного усвоения итоговых знаний? Верно: свежий воздух и полярные по значению крайности для доводки физического совершенства. Вот так они и делали по очереди: то два-три дня под ураганным ледяным ветром пересекали пустыню, то, распарившись от усилий, как в парилке, неделями плутали в толще ледяных лабиринтов. Красота! И не мешает никто. И знания в голове хорошо закрепляются.
А многочисленные брошенные города и комплексы, разъедаемые коррозией и попадающиеся в пути, только разнообразят, придают колорит местным реалиям. Будь воля преподавателей Кафедры, так они бы давно уже переименовали планету, и вместо Нирваны назвали бы Полигоном.

Но это уже к делу не относилось.

А вот модерновая постройка Кафедры показалась каким-то теоретикам весьма разумным и перспективным мероприятием, и лучшие воины со всей империи проходили теперь стажировку именно в этом колоритном месте.

Когда преподаватель закончил лекцию и разрешил задавать вопросы, желающих не оказалось. Всем хватило голографических изображений, сведения осели в голове, а прощупать весь этот лед и местный песок в любом случае придется собственными телами во время ночевок и длительных переходов. Да и вчерашние рассказы уже заканчивающих стажировку коллег заранее настраивали на скуку, зубрежку и физическую муштру. А к этому лучшим воинам было не привыкать.

Можно сказать, многие и отвыкнуть не успели.

Обед, после него два часа отдыха – и заместитель командира Дивизиона по комплектации выгнал новичков на местную полосу препятствий. Каждого подзывали к старту отдельно, давали ориентир по времени, проводили короткий инструктаж – и вперед, показывай, на что способен. Причем на первые «смотрины» в качестве зрителей собрались чуть ли не все преподаватели, оканчивающие стажировку коллеги и боевые инструкторы. Лучше сразу посмотреть и выяснить, кто на что способен.

Из двух десятков мужской части худшие показатели оказались у обров и дальников. Наверняка эти офицеры на своих предыдущих местах службы физическую подготовку игнорировали круглосуточно. Правда, господин

Безразмерный, хоть и с изрядно опухшим до сих пор лицом, показал среди этих одиннадцати лучшее время. Чему многие, особенно видевшие его поражение в стычке с Гарольдом Стенеси, от всей души удивлялись. Получалось, что это не он такой уж слабак в единоборствах, а его соперник оказался ему не по зубам.

Девятое место занял весьма и весьма этого устыдившийся Малыш. После подведения итогов он из расслабленного балагура и преспокойного философа превратился в желчного и раздражительного мизантропа и за весь вечер так и не появился в общем зале для отдыха.

На восьмом, седьмом и шестом местах оказались соответственно Феликс, Бергман и Граци из космодесантников. Пятое место неожиданно для всех получил пилот Алоис Полсат. Бегал он, как оказалось, чуть не быстрей всех, да и проворством, ловкостью отличался необычайной.

Четвертое место занял еще один из пилотов, Николя Чарески. Но тут уже подобный успех был вполне ожидаемым. Все-таки родился Николя в одном из самых тяжких по выживаемости мест империи, на планете Чара. Правда, жил он там всего лишь до пятилетнего возраста, и тройная сила тяжести не успела превратить его в напоминающего кубик неповоротливого коротышку, какими выглядели остальные обитатели Чары. Но зато потрясающе мощный внутренний костяк, врожденные мускулы и связки делали этого парня невероятным силачом. По выносливости и мощи некоторые сравнивали его с андроидом, хотя внешне пилот Чарески выглядел вполне обычно.

Несколько необычной оказалась и личная жизнь Николя, о которой во время ужина поведал новым приятелям Алоис. Причем поведал вполне преднамеренно:

– Не вздумайте расспрашивать Николя о жене или вообще о супружеской жизни. Звереет! Очень он любил свою супругу, она тоже боевым офицером была, контрразведчицей, но уже два года как от нее нет никаких известий. Поговаривают, что погибла во время какого-то жутко сложного и опасного внедрения.

После чего на нового приятеля все смотрели совсем иными, понимающими взглядами, а Клеопатра так вообще чуть не всплакнула:

– Вот она, семейная жизнь военных… – и непроизвольно придвинулась к Тантоитану.

Третье время показал Армата, второе – Гарольд. Ну а первое, да еще с большим отрывом от остальных, продемонстрировал майор Парадорский. Причем его время на сегодняшний день оказалось непревзойденным даже для «старичков» Кафедры майора Хайтека и некоторых боевых инструкторов, что у последних в сознании никак не укладывалось – ведь парень впервые вышел на данную полосу препятствий и никак не мог тренироваться на ней раньше.

В связи с этим куратор очень сильно расстроился, стал зол и раздражителен. А причину этого пояснил только перед самым ужином один из инструкторов:

– Как, вы разве не знаете? В иерархии Дивизиона есть один непреложный закон: если командир по времени не входит в тройку призеров, он обязан сложить свои полномочия. А новый командир назначается только из тройки лидеров.

– Здорово! – обрадовался Гарольд. – Получается, что если не я, то уж Танти точно может шагнуть сразу на должность командира Дивизиона?

– Ха! Очнись, парень! – заржал ветеран. – Такого, как Серджио Капочи, еще лет тридцать никто с его должности не сковырнет. А вот некоторых его заместителей потеснить вы вполне сможете.

– Это мы запросто! – рассмеялся и капитан Стенеси, хлопая ручищей друга по плечу. – Ну что, готов замахнуться на командира?

Но Танти только поежился, слишком уж хорошо он помнил, как, при каких обстоятельствах и за что получил свое единственное взыскание по службе:

– Как же, столкнешь такого…

Причем он боялся Серджио не в физическом плане. Тут можно было совершенствоваться и совершенствоваться, а потом тягаться силами с кем угодно. Но вот в моральном плане полковник Капочи казался на три головы выше любого кандидата. А уж юного майора и более чем на три.

Глядя на своего друга, Гарольд сразу понял, какие тому пришли на ум воспоминания, и многозначительно подмигнул:

– Да забудь ты уже об этом взыскании! Сколько лет прошло, сколько зим пролетело. Как говорится, заиграно и не считается.

– Кто его знает, каким оно боком мне вылезет в будущем, – вздохнул Танти, косясь на приближающуюся Клеопатру.

Та, кстати, тоже не знала о взыскании в послужном списке своего жениха. И это было одной из причин для крикдала. Девушка о чем-то догадывалась, порой пыталась подступиться и выведать у любимого его секрет, но тот отнекивался как мог. Ну еще бы! Попробуй признайся любимой, что ты на год младше нее! Стыд-то какой! Так что про страницу жизни под трагическим названием «Взыскание» знали только два человека во вселенной, верные друзья Гарольд Стенеси и Роман Бровер. Да и то по причине своего непосредственного участия в этом неправомерном действии. Ну и тот, кто непосредственно наложил подобное наказание на Парадорского.

– Чего, ребята, загрустили? – подошедшая Клеопатра, как всегда, сумела уловить переживания и едва заметную печаль друзей. – Недовольны результатами?

– В некотором роде, – признался капитан Стенеси. – Потому что опасаемся конкуренции с твоей стороны. Ты ведь показала наилучшее время среди женщин…

И бегло пересказал про обязательные условия для командира элитного воинского формирования. Девушка сразу загорелась от азарта:

– А что! Я ведь и в самом деле могу побороться. Это будет просто феноменально: все шкафы и мордовороты, возглавляемые Танти и Гарри, бегают по плацу и повинуются каждому движению моего пальчика.

Под смех товарища Парадорский увлек свою невесту чуть в сторону и возмущенно зашептал:

– О, моя принцесса! Тебе мало того, что я повинуюсь движению твоих пальчиков в постели, так ты еще и в остальной жизни хочешь мною помыкать?

– Хочу! И буду! Сам понимаешь, если желаешь оставаться моим рыцарем, должен служить мне верно не только по ночам, но и днем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yuriy-ivanovich/nirvana

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить